

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

КАРТЕЛЬ

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Картель

«ЭКСМО»

2013

Колычев В. Г.

Картель / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2013 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

В больницу с тяжелой черепно-мозговой травмой доставлена пятнадцатилетняя девушка, которую нашли на стоянке дальнобойщиков. По предварительным данным, ее изнасиловали и выбросили на ходу из машины. Расследование поручают старшему следователю небольшого подмосковного городка майору Севастьяну Глушкову. И выбор начальства пал на него не случайно. Глушков не так давно пережил страшную трагедию – его дочь была зверски убита местным уголовником. Но смерть родного человека не сломала, а закалила майора. Он стал непримиримым борцом с преступностью, и жажда справедливости теперь не оставляет его ни на секунду...

© Колычев В. Г., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Колычев

Картель

Глава 1

Осатанелый взгляд, злобный оскал, с языка брызжут проклятия, с губ – пена. Преступник в бешенстве, а в руке у него нож. Он крайне опасен, и церемониться с ним никак нельзя, но и на поражение стрелять не стоит. Можно прострелить ему ногу... Но нет, рука с пистолетом поднимается на уровень груди, палец выжимает слабину на спусковом крючке. Выстрел, и преступник валится на спину, размахивая руками. Он должен упасть на пол, но почему-то проваливается в пропасть, на дне которой дышит огнем вулканическая лава, и, падая, продолжает изрыгать проклятия...

Хотелось бы посмотреть, как эта сволочь сгорает в адовом огне, но пропасть вдруг исчезает и вместо нее появляется темный потолок и люстра под ним. Электронный циферблат будильника высвечивает цифры – половина четвертого утра. Ну, так иначе и быть не может...

Жора Шухов снится далеко не каждую ночь, но всегда в одно и то же время. Может, их там, в аду, в половине четвертого утра поднимают с терновых постелей и бросают вариться в котел со смолой до самого отбоя? Если так, то это самое страшное время для него, потому и снится он своему палачу.

Севастьян Юрьевич Глушков давно уже привык к этим ночным кошмарам. Отмотай время на полтора года назад и дай ему в руки пистолет, он без всяких сомнений снова нажмет на спусковой крючок. Такая мразь, как Шухов, не должна топтать землю...

Нисколько не жаль этого подонка, и пусть он себе горит в аду, но сон, увы, не возвращается. Кошмар не страшный, но покоя нет. Всякие мысли в голову лезут, и, если не принять успокоительное, можно промучиться без сна до самого утра. Антидепрессант под рукой, на тумбочке, в жестяной банке. В комнате прохладно, как раз то, что нужно для пива...

А утром еще одна баночка пива. Вместо чая. Яичница, бутерброд с мягким сыром и пиво. Не самое лучшее начало дня, но что делать, если душа просит?

Еще одна баночка ждет своего часа в холодильнике. Но сначала нужно убрать со стола, вымыть сковороду, навести в кухне порядок. И кровать заправить надо, и спальню проветрить...

Севастьян Глушков жил один, за домом, кроме него, следить некому, и если он опустит руки, то быстро превратится в свинью, живущую в хлеву. Нет у него смысла в этой жизни, но и опускаться он не собирается. Зарядка, водные процедуры, завтрак, приборка. Самоконтроль выставил удовлетворительную оценку, и это можно расценить как успех, который неплохо было бы закрепить еще одной баночкой пива. Но это все, больше в холодильнике ничего нет. Это все потому, что Севастьян знал меру...

Он уже выходил из своего маленького домика, когда в кармане пиджака завибрировал телефон.

– Глушков? – строго и недовольно спросил начальственный голос.

– Так точно, – безрадостно отозвался Севастьян.

– Как состояние?

– В норме.

– Ну-ну... Давай в больницу, Глушков. Пациента с криминалом привезли. Разберешься, доложишь.

Начальник городского следственного отдела совсем молодой, тридцать три года ему, а он уже подполковник юстиции. Севастьяну сорок два года скоро будет, а он все еще майор. И старший следователь.

И ведь не скажешь, что подполковник Турыгин возглавляет отдел незаслуженно. Хоть и молодой он, да ранний. И работу свою знает, и заслуги есть, и руководитель неплохой. Одним словом, человек на своем месте. Но так ведь и Севастьян всегда был на хорошем счету, и вторая звезда на погоны ему тоже светила. Но он сам все испортил. Написал рапорт и перевелся из столицы в небольшой подмосковный городок, где родился и вырос. Перегорело у него внутри, поэтому нет никакого желания рвать жилы ради карьеры. Да и пристрастие к алкоголю не удастся сохранять в тайне, потому и не стать ему начальником следственного отдела или хотя бы его заместителем. Хотя и с должности старшего следователя вряд ли его попросят, работать он умеет и от службы не отлынивает. Да, постоянно ходит «под мухой», но ведь это не мешает ему исполнять свои обязанности. И перегаром от него не тянет, а за руль он подшофе не садится, хотя может управлять машиной в любом состоянии.

К тому же с начальством Севастьян старался не пререкаться. И сейчас Турыгину ничего не сказал, хотя криминальными травмами должны были заниматься полицейские следователи, а не прокурорские.

Ничего не сказал он своему начальнику и правильно сделал, потому что в больницу с тяжелой черепно-мозговой травмой попала девушка-подросток, а происшествия подобного рода с несовершеннолетними – это их подследственность. Турыгин детали не раскрывал, но Севастьян узнал обо всем на месте.

– Совсем еще девчонка, лет пятнадцать, не больше, – вздыхала пожилая медсестра из приемного отделения. – А уже... – Она не договорила и с сожалением махнула рукой.

– Что уже?

– На выезде из Широки ее нашли, там, где дальнбойщики ночуют.

– И что?

– Ну, а что она там ночью делала?.. И документов при ней никаких!..

Поселок Широки располагался на московской трассе, в трех километрах от их города и в пятнадцати километрах от Москвы. Стоянка дальнбойщиков там со всем отсюда вытекающим – рэкет, проститутки. Разбойников с больших дорог уже давно не видать, но торговля женским телом процветает. Рядом со стоянкой точка, где сутенеры товар свой выставляют. И дальнбойщики девочку могут снять, и просто водители проезжающих мимо машин. Борьба, конечно, идет, но с переменным успехом.

Действительно, что делала девушка ночью в районе стоянки дальнбойщиков? И почему документов нет? Ведь сутенеры, как правило, забирают паспорта у своих подопечных.

– Разберемся... – сухо сказал Севастьян. – Кто потерпевшую доставил?

– Мужчина какой-то привез, – закивала головой медсестра. – Сказал, что чуть не сбил ее. Вышел, говорит, к ней, а у нее голова разбита. Шатало ее сильно, а к нам она в бессознательном состоянии поступила. Сейчас вроде бы в себя пришла. Это к Елене Матвеевне надо, она сегодня ночью дежурила, она вам все скажет...

– Обратимся... Этот мужчина координаты свои оставил?

– Да, фамилия, имя, отчество... – Женщина заглянула в рабочий журнал. – Желобов Илья Михайлович. Номер сотового телефона оставил...

Севастьян не стал откладывать дело в долгий ящик и позвонил Желобову. Он мог бы связаться с ним позже, если бы не время, которое сейчас могло работать против него. Его интересовало, есть ли в машине мужчины видеорегиистратор. Оказалось, что есть. Более того, нужную Севастьяну картинку Желобов сохранять не стал – то ли не догадался, то ли не счел нужным. А запись на его видеорегиистраторе «жила» всего двенадцать часов, а потом стиралась последующим циклом. И эти двенадцать часов уже заканчивались. Севастьян попросил

Желобова сохранить запись, пообещал позже с ним связаться, чтобы выяснить подробности, и поднялся в нейрохирургическое отделение.

Елену Матвеевну он застал в ординаторской. Это была миловидная женщина лет тридцати пяти. Светло-русые волосы под накрахмаленной шапочкой, большие темно-серые глаза со стальным оттенком, губы тонкие, но красивые. Взгляд смелый, но в то же время в нем заметна неуверенность. Нет, в самой себе эта женщина была уверена, но мир вокруг казался ей хрупким, ненадежным, и она боялась, что все может разрушиться в любой момент. Во всяком случае так подумал Севастьян, глядя на нее. Елена Матвеевна смотрела на него с интересом одинокой женщины. Похоже, как мужчина он ей понравился.

– Вы из прокуратуры? – спросила она.

– Ну, в общем, да. Майор юстиции Глушков.

– Я знаю, кто вас интересуется. Пойдемте.

Они прошли в палату, где на высокой койке лежала девушка лет пятнадцати-шестнадцати с повязкой на голове. Черты лица нежные, красивые, но еще не совсем оформившиеся. И не было в этом облике ничего вульгарного, порочного.

Внешних повреждений на лице не видно, если не считать мелкую царапину на правой щеке, но под глазами темные круги, да и худоба у девушки нездоровая. Изможденная она, истощенная какая-то.

Девушка находилась в сознании, но на Севастьяна смотрела тускло, если не сказать, безжизненно. Или это действие обезболивающих лекарств, или она еще не совсем пришла в себя. Скорее всего и то, и другое, но неплохо бы рассмотреть и другой фактор.

Глушков мягко взял девушку за руку, осмотрел внутреннюю сторону локтевого сгиба и заметил несколько маленьких точек. Следы внутривенных инъекций. Но ведь уколы ей могли сделать и в больнице.

– Как тебя зовут? – внимательно глядя на нее, спросил Севастьян.

– Не знаю, – еле слышно пробормотала она. – Я ничего не помню.

– Амнезия? – повернулся майор к Елене Матвеевне.

– Похоже на то, – кивнула врач.

– А общий диагноз?

– Закрытая черепно-мозговая травма, апоневроз не поврежден, но возможно сдавление головного мозга гематомой. Обследуем, будем лечить.

– И как долго продлится амнезия?

– Пока сказать не могу.

– Одежду осмотреть можно?

– Это в приемное отделение...

Севастьян движением головы показал на дверь, и они вместе вышли из палаты.

– Елена Матвеевна, скажите, вы назначали пациентке внутривенные уколы?

– Вы насчет следов от инъекций? Я тоже обратила на них внимание.

– Значит, они были еще до поступления в больницу?

– Да, были.

– Думаете, наркотики?

– Ну, возможно... Но вряд ли она сама себя колола. Вены у нее тонкие, плохо выраженные, а синяков нет. Тут рука специалиста чувствуется...

– Возможно, доморощенного специалиста, – вслух подумал Севастьян.

– Ну, наркоманы на это дело руку быстро набивают... Но если это наркотики, то девочка только в самом начале пути. Еще не поздно остановиться...

Елена Матвеевна отправилась в ординаторскую, а Севастьян спустился в приемное отделение, где ему предъявили одежду девушки. Длинная черно-желтая футболка-реглан с рисун-

ком, коричневые легинсы со свежей дыркой на правой коленке, белые балетки. Вернее, некогда белые, а сейчас серые от грязи и пыли. Легинсы тоже запыленные, с прилипшими к ним травяными колючками. Футболка грязная и еще, можно сказать, затасканная. Судя по запаху, девушка носила ее дня три, если не больше. С джинсами та же история. Не свежая, мягко говоря, одежда. Но следов крови Севастьян не заметил. Карманов не было ни на легинсах, ни на футболке. И сумочки у потерпевшей не было. Из личных вещей, если верить медсестре, только нательный крест на золотой цепочке, который так и остался при ней.

Севастьян сложил одежду в пакет, опечатав его. Надо будет озадачить эксперта-криминалиста, чтобы поискал на ней признаки изнасилования или просто полового акта. Да и судмедэксперту работу нужно подкинуть, пусть осмотрит потерпевшую.

Он вернулся в нейрохирургическое отделение, заглянул в ординаторскую. Елена Матвеевна сидела за своим рабочим столом и торопливо заполняла историю болезни. Смена ее закончилась, осталось только передать дела, и можно ехать домой... Только ждет ли ее кто-нибудь там? Севастьяну почему-то казалось, что нет. Но ведь он мог и ошибаться, да и не его это дело.

– Что-нибудь нашли, товарищ майор? – подняв голову, с рассеянным интересом спросила она.

– Да пока ничего... Елена Матвеевна, вы уверены, что у потерпевшей амнезия?

– А вы сомневаетесь?

– Ну, мало ли что. Есть такое понятие, как женская солидарность, – улыбнулся Глушков.

– Думаете, мы с ней сговорились? – вроде бы искренне удивилась врач. – Зачем?

– Ну, может, она что-то натворила, а вам стало ее жалко.

– Глупости вы говорите... И что она могла натворить?

– В приемном отделении, например, считают, что девушка занималась проституцией.

– Да нет, не похожа она на проститутку... Нет, гинекологический осмотр я ей, конечно, не устраивала... Но вы посмотрите на нее, какая же она проститутка!

– А следы от инъекций?

– Если наркоманка, значит, проститутка?

– А она наркоманка?

– Ну, мы же с вами об этом говорили... Но там не так уж и много уколов, три-четыре, если не считать наших... Я бы не сказала, что у нее руки исколоты...

– Три-четыре, – задумчиво протянул Севастьян. – В день по уколу... Три-четыре дня...

Примерно столько времени потерпевшая не меняла одежду. Может, все это время ее держали где-то под замком? А чтобы девушка не создавала проблем, ее накачивали наркотиками... Но проблемы, возможно, все-таки возникли. Что, если девушка сбежала? Через лес бежала, через поле. Бежала, пока не вышла на московское шоссе, а там свои неожиданности...

– Это вы о чем, товарищ майор? – заинтригованно спросила Елена Матвеевна.

– Да пока только предположения... Вы же не будете возражать, если я сфотографирую пациентку?

Он снял девушку на камеру мобильного телефона и позвонил Желобову. А вечером того же дня встретился с ним.

Глава 2

Разрешение камеры слабое – запись нечеткая, к тому же темнота ночи прострелена бликующим светом от встречных машин, а все-таки видно, как из темноты на дорогу выбегает девушка. Движения хаотичные, дерганные – так в первые секунды бегают обезглавленный петух. Бегают, пока не упадет. И девушка упала – прямо под колеса машины.

Желобов вовремя взял влево и ушел от столкновения. Он остановил машину, но камера смотрела вперед, поэтому не зафиксировала, как он усаживал девушку в салон. Зато смогла выхватить номер стоящей на обочине фуры.

Фургон находился метрах в ста от места, где Желобов подобрал девчонку. Севастьян силялся прочитать номер на фургоне. При остановке изображение смазывалось, поэтому приходилось гонять его в реверсном режиме. Темно, блики, нечеткость изображения, но ничего, он справится с задачей...

Майор успел разглядеть первую букву и две цифры, когда в кабинет зашел Турыгин.

– Ты что, Севастьян Юрьевич, уже набрался? – спросил он, подозрительно глядя на подчиненного.

Сытое лицо у Турыгина, черты – угловатые, хищные, нагловатые, а сам он весь откормленный, хотя и не толстый. Взгляд холодный, въедливый, нахально-ироничный. Увидев его впервые, Севастьян решил, что имеет дело с рвачом и мелкой душонкой, но, как оказалось, это не так. Турыгин и дело свое знал, и трусом никогда не был. Даже взятки не брал... Но подчиненного, чтобы выгородить себя, подставить мог запросто. Был такой случай, поэтому всеобщей, так сказать, любовью в отделе Турыгин не пользовался. Да и сам никого не любил. Ради своей карьеры он готов был на все, и Севастьян не должен был об этом забывать.

– Никак нет.

– А глаза чего красные?

– Да вот, зрение напрягаю, – кивнул Севастьян на экран компьютера. – Номер машины прочитать не могу.

– А что за номер? – подсаживаясь к нему, заинтригованно спросил Турыгин.

– Да машина, из которой могла потерпевшая сбежать.

– Та, которая из больницы?... – поморщился начальник отдела. – Я думал, ты уже отказал в возбуждении дела.

– Нет, дело надо возбуждать, – покачал головой Севастьян.

– Заявления нет, пострадавшая ничего не помнит. Да и не было ничего. Что там, ушиб головного мозга? Шла, упала, стукнулась головой...

– Вряд ли, так головой не ударишься. Удар был нанесен, возможно, бейсбольной битой. А бейсбольная бита – любимое оружие дальнобойщиков.

– Так нечего было с дальнобойщиком связываться. Ее что, силой на панель тащили?

– Она не проститутка. Я был на точке, с дальнобойщиками разговаривал, с проститутками. Никто такую не знает.

– С проститутками разговаривал? – фыркнул Турыгин.

– А что здесь такого? – покосился на него Севастьян.

– Ну, мужик ты холостой, почему бы с проституткой не поговорить, коньячком угостить... Я-то думаю, чего это от тебя, Севастьян Юрьевич, коньячным перегаром тянет?

– Да нет, вам показалось.

– Это тебе кажется, что никто ничего не замечает. Коньяк вчера пил?

– Да так, чуть-чуть, – не стал отнекиваться Севастьян.

– Вчера чуть-чуть, сегодня чуть-чуть, завтра чуть-чуть... Тебя из Москвы за пьянку выставили, думаешь, я тебя здесь терпеть буду?

Севастьян промолчал. Он по своему желанию в родной Демьянск перевелся, пьянство здесь ни при чем. Но спорить с начальником не хотелось.

– Давай, Глушков, сворачивай дело. Или тебе заняться нечем?

– Ну, работы хватает...

– Работает ты неплохо, только медленно. А с этой проституткой прямо как с цепи сорвался, – усмехнулся Турыгин, выпрямляясь в полный рост.

– Она не проститутка! – неожиданно для себя разозлился Севастьян.

– Эй, майор, ты чего? – удивленно и даже немного испуганно спросил Турыгин.

– Ничего.

– Да нет, из берегов ты вышел... Что-то личное?

– Моей дочери сейчас было бы пятнадцать, – сдавленно проговорил Севастьян.

– Было бы?

– Она погибла два года назад... Ее убили... И она не была проституткой.

Это все, что он смог сказать, а добавлять ничего не собирался.

Все у него было хорошо – семья, дочь, работа, квартира в Москве. Все было хорошо, пока из тюрьмы не вышел Жора Шухов, которого Севастьян закрыл в свое время за убийство. Этот гад был уверен, что улики против него нет, а Севастьян их нашел и подвел преступника под статью. Этого Шухов и не смог ему простить. Он вышел из тюрьмы, подкараулил Юлю, затащил в машину, вывез в лес и там убил ее. Этим он и наказал Севастьяна, оставив его без дочери.

Севастьян нашел Шухова и без всякого сожаления пристрелил его как бешеного пса. Но семью спасти не смог. Дочь погибла, а жена сказала, что не хочет с ним жить. Ни к кому она уходить не стала, просто подала на развод. Он все понял и перевелся из Москвы сюда, в Демьянск. Здесь и умер. А разве его нынешнее существование можно назвать жизнью? Только алкоголь еще и держит его на плаву.

– Извини, Севастьян Юрьевич, не знал, – озадаченно покачал головой Турыгин.

– А этого вам и не нужно знать...

– Да, дела... Так что там у тебя? Давай вместе посмотрим...

Турыгин помог ему разглядеть недостающие цифры и буквы, мало того, сам позвонил в ГИБДД и установил владельца машины.

Автобаза находилась в Москве, и завтра вечером водитель фургона должен был вернуться из рейса.

Глаза – форточка души, все не увидишь, но кое-что разглядеть можно. А если еще ветерком в эту форточку подуть, чтобы занавеска за окном в сторонку сдвинулась, то и глубже заглянуть можно. А Севастьян умел сквозить взглядом, расшторивать чужие души, хотя это и не со всеми получалось. Но стоящий перед ним человек в джинсовом костюме и кожаной ковбойской шляпе не производил впечатления «крепкого орешка». Он весь затрясся, едва Севастьян показал ему фотографию девушки.

– Ну, стоял я за Широшкой, и что? – И голос предательски дрожит.

– Девушку эту видел? – давил на него Глушков.

– Да нет, не видел...

– Она из твоей машины выбегала.

– Не было ничего такого! – отчаянно мотнул головой водитель.

Высокий он, широкоплечий, но не похож на ковбоя, имидж которого примеривал на себя. Слишком жидкий для этого. Глаза пугливо расширились, рот перекосило, губы намокли от слюны. На мокрую курицу он похож.

– А возле Широшки ты, Шемшук, зачем стоял? – спросил Севастьян.

– Ну, отдохнуть...

– До Москвы всего пятнадцать километров оставалось, до базы тридцать. Зачем отдыхать?

– Ну, поздно уже было...

– Девочку на ночь решил снять?

– Ну, скажете тоже!

– Снял девочку, а, оказывается, она не снимается, да?

– Не понимаю, о чем разговор! Не было никакой девочки! Не знаю ничего!

– А то, что эта девочка сейчас при смерти, ты знаешь? – нарочно сгустил краски Севастьян.

– При смерти! – побледнел водитель.

– Открой машину!

– Зачем? – Шемшук инстинктивно шагнул в сторону, чтобы перекрыть Севастьяну путь к кабине своей машины.

Он понимал, что ничего из этого у него не выйдет, но рефлекс толкнул на подозрительное движение. Значит, что-то нечисто там.

– Хорошо, сейчас понятых позову, обыск по всей форме составим, – Севастьян глянул на слесарей в технических комбинезонах, что, покуривая, наблюдали за ними.

– Она сама жилетку оставила! Я у нее не забирал! – выдохнул из себя водитель, вставая вдруг в боевую стойку и вскинув кулаки на уровень груди. Но, осознав нелепость своего поведения, покорно опустил их.

– Эта девушка оставила? – Глушков показал ему фотографию потерпевшей.

– Да, она... Я ее у поворота на Черноголовку подобрал. Ну, по бетонке шел, смотрю, девчонка какая-то на дорогу выбегает...

– На дорогу выбегает?

– Ну да, запыхавшаяся вся... Я думал, она под колеса бросится, и остановился, а она ко мне запрыгнула. Чумная какая-то, глаза стеклянные, вся дрожит. Как будто кто-то за ней гнался...

– Так может, гнался?

– Ну да, гнались. Она сказала, что гонятся за ней...

– Кто?

– Не знаю... Она, вообще, неразговорчивая была. Гонятся, спрашиваю? Кивает в ответ, а кто именно – молчит... Все время молчала. Глаза обдолбленные...

– Какие?

– Ну, обдолбленные, как будто она под кайфом была...

– Так была или как будто?

– Похоже, была...

– Ты спрашивал у нее, кто она такая?

– Ну, спрашивал. А она отмалчивалась...

– И как зовут, не сказала?

– Как зовут, сказала. Василиса ее зовут... Вот я и подумал, – отвел в сторону глаза водитель.

– Что ты подумал?

– Ну, имя необычное. Проститутки себе такие имена подбирают, Анжелины там, Сабрины, Изабеллы... И еще под кайфом она была. У проституток это обычное дело... Я подумал, что она от сутенера сбежала. А что, половина одиннадцатого, темно уже, самое время для работы...

– Я так понимаю, ты ей работу и предложил?

– Ну, а чего она молчала? Если молчит, значит, согласна... И куртку она сняла, хотя не жарко было... Мы на Москву свернули, я за Широкой остановился... Ну, бес меня попутал, я руки распустил, а она меня как укусит. А я и не сдержался...

– Что ты сделал?

– Не хотел. Честное слово, не хотел! Если бы она меня не укусила...

– Я спрашиваю, что ты сделал? – в упор посмотрел на Шемшука Севастьян.

– Ударил я ее. Кулаком ударил. По темечку... Но так она живая была. Сама из машины выскочила...

Глушков взял его за руку, осмотрел кисть правой руки. Большая кисть, если такую в кулак сжать да ударить, мало не покажется. А головка у девушки маленькая, ей много и не надо...

– Сволочь ты, Шемшук!

Севастьяну пришлось напрячь свою волю, чтобы сдержать себя. Такая злость на него нахлынула, как будто Шемшук избил его собственную дочь.

– Э-э, я же говорю, что не хотел!

– Хотел не хотел, а ударил!

– Но я же признался!

– Куртка где?

– Я сейчас!

Шемшук повернулся к машине, но Севастьян остановил его и потребовал ключи. Как бы не завел двигатель и не дал деру. «КамАЗ» как раз стоял носом к воротам автобазы, ему даже сворачивать не придется.

Водитель полез в карман за ключами, но вдруг резко дернулся и ударил Севастьяна локтем в висок. Сильно ударил и точно, но следователь устоял на ногах и даже смог схватить Шемшука за край куртки, когда тот полез в машину.

Перед глазами все плыло, голова кружилась, земля выскальзывала из-под ног, но майор все-таки смог справиться с разбушевавшимся вдруг водителем. Сначала лишил его равновесия, затем, крепко схватив за руку, взял на прием.

Он знал всего несколько приемов из самбо, но владел ими если не в совершенстве, то близко к тому. Руки у него сильные, ладони крупные, пальцы цепкие и реакция неплохая. Уложил Шемшука на живот и заломил ему руки за спину.

Оперативно-разыскными мероприятиями следователь как бы заниматься и не должен, для этого существуют оперуполномоченные угро. Севастьян должен был отправиться к Шемшуку в сопровождении полицейских, а еще лучше – дать им поручение, чтобы они доставили подозреваемого в отдел. Но он не кабинетный следователь, сам с усами, поэтому приехал сюда без сопровождения. И подозреваемого задержал – причем в полном соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом. Жаль, что наручников у него при себе не было, но ведь задержанного можно связать и поясным ремнем.

Глава 3

Рука сама полезла в карман за леденцом. Севастьян развернул конфетку, положил ее на язык и только затем подумал о том, что сегодня с утра даже глотка пива не сделал. Так спешил в больницу, что забыл о двух банках, которые с вечера поставил в холодильник. Давно с ним такого не бывало.

Он направлялся в палату к Василисе. С пустыми руками к ней шел, это его и смущало. Мог бы догадаться апельсинов купить или еще что-то в этом роде. Не обязан следовательно носить передачи потерпевшим, но Василиса для него – особый случай. И он уже знал, почему... Жаль, что с апельсинами промашка вышла, но ничего, в следующий раз не оплошает.

– Товарищ майор? – услышал он за спиной.

К нему направлялась Елена Матвеевна. Без шапочки, волосы уложены в красивую прическу, походка плавная, мягкая, грациозная, а взгляд улыбочивый и завораживающий.

– Здравствуйте, Елена Матвеевна... Как там наша больная?

– Прекрасно.

– Что, память вернулась?

– Нет, но внутренней гематомы нет, девочка идет на поправку. Дня через три можно будет выписывать. Вопрос, куда только, – и она выразительно посмотрела на Севастьяна. Дескать, если он следовательно, то должен был установить личность потерпевшей.

– И для меня это пока вопрос, – развел руками Глушков.

– Что, ничего не узнали?

– Узнал. Василиса ее зовут. Ну, если она правильно назвала свое имя.

– Кому назвала?

– Несостоявшемуся насильнику.

Судя по заключению судмедэкспертизы, следов насилия на теле потерпевшей не было. Более того, даже девственная плева не повреждена. Так что Шемшуку очень повезло – отвечать ему придется за умышленное причинение вреда здоровью и применение насилия в отношении представителя власти. До пяти лет лишения свободы ему грозит, но получит два-три. А вот если бы дело дошло до изнасилования, тогда ему точно пришлось бы несладко.

– А ее пытались изнасиловать?

– Да, водитель фургона.

Севастьян осматривал куртку, которую Василиса оставила в машине. Не было там ничего такого, что помогло бы установить личность потерпевшей. Зато были обнаружены пятна бурого цвета, похожие на кровь. Экспертиза еще пока не дала своего заключения...

– За проститутку ее принял, пытался совратить, Василиса его укусила, и он ее ударил.

– Чем?

– Кулаком. Он у него как кувалда.

– Подонок!

– Ничего, он за это ответит.

– Это хорошо, что вы нашли преступника, – благодарно улыбнулась Елена Матвеевна.

– Ну, преступник он или нет, это установит суд. Но, в общем-то, подозреваемый сознался. Только вот непонятно, откуда взялась Василиса. Третий день уже пошел, а заявлений о ее пропаже не поступало.

– Может, сирота?

– Ну, может, и сирота. Но вряд ли беспризорная. Одежда у нее не из дешевых. Балетки фирменные, такие не меньше десяти тысяч стоят...

Балетки можно было и украсть. Или на панели на них заработать. Но Василиса не проститутка, Севастьян точно был в этом уверен. И вряд ли наркоманка. Возможно, кто-то просто

пытался подсадить ее на иглу. От этого «кого-то» Василиса, видимо, и сбежала. Убежала от одного урода, чтобы попасть в лапы другого.

Преступник найден, изобличен, его ждет наказание. А дальше что? Нельзя выписать девочку в пустоту, значит, надо личность ее устанавливать, родственников искать.

В палату к больной Севастьян зашел в сопровождении Елены Матвеевны. Девушка полусидела на койке и листала глянцевого журнала. Повязки на голове уже не было.

– Привет, Василиса! – подмигнув ей, поздоровался Севастьян.

Девушка улыбнулась, с интересом глянув на него.

– Как здоровье?

– Ничего, голова не кружится, не тошнит, – бодро ответила она.

Голос у нее звенел как колокольчик. Севастьян вдруг загрустил. И все потому, что у его дочери тоже был такой же нежный и звонкий голос...

– Память не вернулась? – с надеждой спросил он.

– Нет, – вздохнула девушка.

– А то, что я назвал тебя Василисой, тебя не удивляет?

– Так меня Василисой и зовут, – удивленно вскинула она брови. – Да, меня Василисой зовут!

– А фамилия?

– Не помню. Но если вы скажете, я вспомню... Мне кажется, что вспомню...

– Иванова? – скорее в шутку, чем всерьез спросил Севастьян.

– Нет, не Иванова, – наморщив лоб, покачала головой Василиса.

– Кашеварова?

– Нет, и не Кашеварова... Не помню.

– А живешь где?

– Тоже не помню.

– Может, в Черноголовке?

– В Черноголовке? Нет, не в Черноголовке... А почему вы про Черноголовку спросили?

– А это название кажется тебе знакомым?

– Ну, слышала про Черноголовку... Но я там не жила...

– А что, вспомнилось что-то?

– Он про Черноголовку говорил...

– Кто он?

– Ну, человек...

– Какой человек?

– Большой такой! – Раскинув руки на всю ширину, Василиса обвела ими круг.

– Круглый?

– Бесформенный. И растекающийся.

– Растекающийся?

– Ну да, растекающийся. Как сливовое желе... Это я его таким вижу...

– Может, ты его таким видишь? – Севастьян достал мобильник, вывел на экран фотографию Шемшука, показал Василисе.

– А кто это?

– Водитель автофургона. Дальнбойщик. Это он ударил тебя по голове. Кулаком. Ты его укусила, а он ударил...

– Не помню.

– Он тебя в районе Черноголовки подобрал. И про Черноголовку мог говорить.

– Нет, это не он... А может, и он. Я не помню...

– А что ты в Черноголовке могла делать?

– Не знаю. Не помню.

- Но кто-то про Черноголовку тебе говорил.
- Ну, мне кажется, что да... Он когда вез меня, кому-то говорил...
- Куда вез?
- Не знаю...
- Кому говорил?
- Не помню... Ничего не помню, – Василиса пальцами сжала виски.
- Может, это ты говорила ему про Черноголовку? Может, тебе нужно было туда?
- Не помню.
- А родителей помнишь?
- Нет, не помню. Пытаюсь вспомнить, но не получается, – виновато посмотрела она на

Севастьяна.

- И где жила, не помнишь?
- В Москве жила... Точно, в Москве... А где, не помню...
- Ну вот, уже что-то... – улыбнулся Севастьян.

– Да, это уже хорошо, – кивнула Елена Матвеевна. – Василиса, я тебе карту Москвы сейчас принесу, будешь смотреть и произносить вслух названия улиц. Вдруг вспомнишь.

Глушков одобрительно посмотрел на женщину: ему понравилась ее идея. Действительно, вдруг что-то щелкнет у Василисы в мозгу, когда она прочтет название некогда знакомой улицы. А там и номер дома вспомнится...

Елена Матвеевна ушла, а Севастьян взял девушку за левую руку и показал ей на следы от уколов:

- Наркотиками увлекаешься?
 - Наркотиками?.. Нет, это в первый раз... И я не хотела...
- Судя по выражению ее глаз, в голове у Василисы действительно что-то щелкнуло.
- Что ты не хотела?
 - Ну, Женя предложил, а я сказала, что не буду...

Девушка зависла в напряженном раздумье. У Севастьяна зачесалось от желания узнать, кто такой Женя, но он не решился вклиниваться в ее мыслительный процесс.

– Женя предложил... Мы у него дома были... – медленно, растягивая слова, проговорила она. – Музыка играла... Шампанское было... Все, больше ничего не помню.

- А дом у него где?
- Не помню...
- Может, в Черноголовке?
- Не знаю... А Черноголовка далеко от Москвы?
- Километров пятьдесят...
- Ну, может, и там.

В палату зашла Елена Матвеевна, неся под мышкой автомобильную карту Москвы. Хорошо, если эта карта поможет узнать, где живет Василиса, и неплохо было бы выяснить, кто такой Женя и почему он предлагал ей наркотики.

Но стоило ли Севастьяну лезть в прошлое Василисы? Ведь он же нашел человека, который причинил ей физическую травму. Осталось только разыскать ее родителей, и можно умыть руки.

А вдруг Василисе угрожает опасность? Что, если ей нельзя возвращаться домой?.. В таком случае он должен принять участие в ее судьбе. Ведь если бы кто-нибудь заступился за его дочь, когда Шухов затаскивал ее в свою машину, она была бы сейчас жива...

Василиса начала с алфавитного указателя улиц, просмотрела все, но так ничего и не вспомнила. И карту она рассматривала очень внимательно, но и это не помогло. Про Женю она тоже ничего не вспомнила. Но Севастьян не унывал. Лед в ее голове тронулся, значит, рано или поздно воспоминания вернуться.

Глава 4

На этот раз все в порядке – и апельсины в пакете, и шоколад, и йогурты. И Василиса смотрела на Севастьяна не просто, как на следователя, чувствовала заботу с его стороны, поэтому в ее взгляде сквозила благодарность.

– Меня сегодня выписывают, – сказала она.

– Как это выписывают? – удивился Севастьян.

Он запретил заведующему отделением выписывать пациентку без его разрешения, но ведь у того свои начальники.

– Елена Матвеевна сказала, что не выпишут, – вздохнула Василиса. – А Олег Антонович говорит, что меня в приемник-распределитель отправить надо.

– Я его сам туда отправлю, – покачал головой Севастьян.

– Вы не нашли моих родителей?

– Нет. А ты ничего не вспомнила?

Василиса с сожалением развела руками и вздохнула, печально закатив глаза.

Севастьян держал руку на пульсе событий, но девушку, похожую на Василису, в розыск не подавали. Он и сам разослал ориентировки на нее, но пока все без толку. И память к ней не возвращалась. Третьего дня вспыхнула какая-то искорка в ее сознании, но так и не разгорелась.

– Завтра суббота, может, завтра по Москве прокатимся? – предложил он. – Вдруг узнаешь свой район?

– А если меня в приемник-распределитель отправят?

– Не отправят. Во-первых, должно быть решение суда. А во-вторых... – Севастьян запнулся и замолчал.

– Что во-вторых? – с надеждой посмотрела на него Василиса.

– Ну, ты могла бы пожить у меня... – неуверенно проговорил он.

Сама по себе идея хорошая, но его могут не понять. Как ни крути, а Василиса – малолетняя и симпатичная девушка, а он – взрослый мужик. А педофилов сейчас развелось столько, что запросто можно попасть под подозрение.

– Правда? – просияла она.

– Ну, не знаю...

– Что, жена не разрешит? – загрустила Василиса.

– Я не женат. В том-то и дело, что не женат. И живу один. А ты не совсем взрослая...

– Почему? Мне уже шестнадцать лет!

– Откуда ты знаешь, что шестнадцать лет? – вскинулся Севастьян.

– Откуда я знаю? – Она задумчиво приложила палец к переносице. – Не знаю... Но знаю, что мне шестнадцать лет.

В кармане у Глушкова завибрировал сотовый телефон. Звонила Елена Матвеевна.

– Севастьян Юрьевич, у нас проблемы! Василису выписывают! – дрожащим от волнения голосом сообщила она. – Надо вмешаться!

– Я знаю и обязательно вмешаюсь... Я здесь, у Василисы, а вы где?

Елена Матвеевна еще только подходила к больнице, и Севастьян спустился во двор, чтобы встретить ее.

– Мне позвонили, сказали, что Прокопов решил выписать Василису, – задыхаясь от быстрой ходьбы, сказала она. – А он у нас товарищ с большими странностями.

– Возможно.

– Надо с ним поговорить... Я и сама попытаюсь, но ведь он такой, что не слушает...

– Но Василиса не может вечно находиться в больнице.

– Почему вечно? Рано или поздно все прояснится.

– А если это случится поздно? – обескураживающе спросил Севастьян.

– И что вы предлагаете? – напряженно посмотрела на него Елена Матвеевна.

– Ну, если вы готовы взять на себя функцию инспектора, то я могу взять Василису к себе. Дом у меня небольшой, но со всеми удобствами. Сад есть...

Сад запущен, огород бурьяном порос, но Севастьян готов был навести порядок на территории. Проснулось в нем вдруг такое желание. Вместо того чтобы пиво по вечерам пить, можно ветки у деревьев подрезать, стволы побелить. Да и вообще...

– Сад?.. А что значит взять на себя функцию инспектора? – непонимающе смотрела на него Елена Матвеевна.

– Ну, может показаться странным, что я взял к себе домой малолетнюю девочку. А народ сейчас умный пошел, все вокруг воры да извращенцы... Вы меня понимаете?

– Думаю, что да... – кивнула она.

– Если вы будете навещать Василису хотя бы раз в день, вопросы отпадут... Хотя, если честно, я в этом не уверен, – замялся Севастьян.

Он чувствовал себя дураком, который сам же и выставил себя на посмешище. Известно же, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным... И дернул его черт взяться за гуж.

– Я могу навещать Василису и два раза в день... – задумчиво проговорила Елена Матвеевна. – Но что скажет ваша жена?

– Если бы я жил с женой, то вопросов бы не было. Но я в разводе, поэтому живу один.

– Теперь понятно, что вас смущает...

– Думаю, что я зря поднял этот вопрос. Поговорим с Прокоповым, пусть еще недельку Василису подержит.

– Неделю подержит, показания для этого есть. А что дальше?

– Думаю, за неделю ситуация изменится. Или мы что-то узнаем, или родители Василисы на нее выйдут... Кстати, сегодня она вспомнила, что ей шестнадцать лет. А может, и придумала, – озадачился Севастьян.

Они поднялись к заведующему отделением, не оставив ему никаких шансов, затем зашли в палату к Василисе.

– Я вспомнила! – радостно встретила их она. – Я вспомнила, где живет Женя! Я вспомнила его дом!

– И где он находится? – разволновался Севастьян.

– Не знаю... То есть я знаю, что это где-то на Осташковском шоссе, а где именно... Там деревня какая-то, за ней – поселок элитный...

– Может, ты и сама жила в этом поселке?

– Нет, я на машине туда приехала.

– На какой машине?

– Не знаю, может, на такси...

– А родителей своих вспомнила?

– Нет. Это все в темноте. А Женю вспомнила. И ребята с ним были. Ну, и девчонки. Все из нашего класса... Да, из нашего класса, точно из нашего класса! – просияла Василиса.

– Ну вот! А номер школы какой?

– Не знаю. Не помню... Так, обрывки какие-то кружатся в голове...

– Кружатся, – кивнула Елена Матвеевна. – А завтра сложатся в целую картину. Завтра ты назовешь номер школы, где учишься, и адрес, где живешь.

– Вы думаете?

– Я уверена.

Но, увы, прогноз врача не сбывся, и Василиса ничего интересного не вспомнила. Но про Женю она не забыла и вызвалась показать, где он живет.

Поселок действительно был элитным – дома как на подбор: высокие, красивые и, конечно же, дорогие. Только въезд в этот поселок почему-то не охранялся. Ограда, ворота, сторожка, шлагбаум – все есть, но въезд свободный.

– Вот Женькин дом! – Василиса показала пальцем на белый коттедж с коричневыми фахверками.

Дом был третьим по счету от бездействующего контрольного пункта. Высокая ограда из белого кирпича, красивые кованые ворота.

Севастьян вышел из машины, нажал на кнопку встроенного в калитку домофона. Ждать пришлось недолго.

– Что такое? – недовольно спросил густой мужской голос.

– Майор юстиции Глушков, Следственный комитет, – приложил Севастьян к глазку видеокamеры служебное удостоверение.

– Одну секунду! – Хозяин дома резко сменил тон.

И еще страх в его голосе появился. Во всяком случае, майору так показалось. Может, у него с законом нелады? Время нынче суровое, нечистые на руку дельцы уже далеко не так спокойны за свою шкуру, как прежде. Возможно, и за этим человеком какие-то грешки водятся.

К Севастьяну вышел средних лет мужчина с широкой залысиной на крупной и круглой как шар голове. Он не пытался изображать перед ним крутого, но чувствовалось, что нрав у него суровый, жесткий.

– Какие-то проблемы? – спросил мужчина, внимательно глядя на Севастьяна.

– Скажите, у вас есть сын?

– Сын?! А что с моим сыном не так?

– Его зовут Евгений?

– Ну, допустим...

– А я могу с ним поговорить?

– Зачем?

– У меня к нему несколько вопросов.

– Так вас мой сын интересует? – едва сдерживая вздох облегчения, спросил мужчина.

– Я могу с ним поговорить? – повторил Севастьян.

– Он что-то натворил?

– Надеюсь, что нет...

– Ладно.

Мужчина закрыл калитку и спустя время вышел за ворота вместе со своим сыном.

К шестнадцати годам девчонки обычно перегоняют в физическом развитии мальчишек, но в этом случае все было как раз наоборот. Если, конечно, Жене действительно было шестнадцать лет. Выглядел он на все восемнадцать – рост под метр восемьдесят, плечи широкие и жирные, брюшко. И голова крупнее, чем у отца. И черты лица такие же тяжелые. Взгляд осмысленно-недовольный.

Василиса узнала его, вышла из машины:

– Привет!

Парень растерянно посмотрел на нее, затем перевел взгляд на следователя.

– Ну, что скажешь, Евгений... – Севастьян выразительно глянул на отца.

– Евгений Степанович... – подсказал тот. – Что скажешь, Евгений Степанович? Что ты там опять натворил?

– Э-э... Ничего, – попятился парень.

– Узнаешь Василису? – кивнул на девушку Глушков.

– Ну и что? – буркнул Женя.

Севастьян знаком велел Василисе вернуться в машину. Если она ему понадобится, он ее позовет.

– Степан... Извините, не знаю вашего отчества... Степан, я бы хотел поговорить с вашим сыном наедине.

– Степан Игнатьевич я. Степан Игнатьевич Дубенский, – неохотно представился мужчина. – А с сыном говорите при мне.

– Ну, как знаете... Вы в курсе, что примерно неделю назад ваш сын устраивал дома вечеринку? – глядя на Женю, спросил Севастьян.

– Не знал. Но догадывался.

– После этой вечеринки Василиса попала в больницу с черепно-мозговой травмой.

– Это не я! – шарахнулся парень.

– А кто?

– Санька за ней побежал!

– Куда побежал?

– Ну, Василиса убегать стала, а он за ней...

– А убегала она почему?

– Ну, не знаю, – отвел взгляд Женя.

– Почему она убегала? – Дубенский схватил сына за шкирку, с силой тряхнул и процедил: – Смотри, если девчонку изнасиловали, я тебе все там оторву!

Севастьян спрятал усмешку, глядя на сурового родителя. Изнасилование – это срок, а Степан Игнатьевич явно не желал этого для сына. Поэтому он делает вид, что сам готов наказать своего непутового отпрыска с тем, чтобы затем договориться со следователем. Дескать, я понимаю, что так делать нельзя, но надо войти в положение... Только не войдет Севастьян в положение, если Василису пытались изнасиловать.

– Да никто никого не насиловал! – взвизгнул парень.

– А наркотики?

– Не было ничего такого! – побледнел Женя. И вдруг спрятал за спину правую руку.

И Севастьян сообразил, зачем он это сделал, и отец.

– А ну-ка!

Тепло на улице, а Женя в рубашке с длинным рукавом. В общем-то, ничего подозрительного, если не знать, что этот парень предлагал Василисе уколиться. Или даже заставлял ее это сделать.

Дубенский схватил сына за руку, закатал рукав, побледнев, заорал:

– Я тебя убью, барана!

На внешней стороне локтевого сгиба Севастьян заметил синяки от внутривенного укола.

– Употребление наркотиков – это одна статья, а организация притонов для потребления наркотических средств – другая. До четырех лет лишения свободы, – беспристрастно выдал Глушков.

– Ну, это еще доказать надо! – зло глянул на него взбешенный родитель.

– Доказательства у Василисы на руке. Там такие же следы от инъекций.

– Не кололась она! – с ненавистью глядя на Севастьяна, мотнул головой парень.

– Но ты же предлагал ей?

– Да, но не уколиться...

– А что?

– Понюхать.

– Что понюхать?

– Ну, кокаин у нас был... А она не захотела. И сбежала. Сбежала она! У Саньки спросите! У Генки!

– С тобой еще и Санька с Генкой были? Это уже организованная группа. До семи лет, – безжалостно отчеканил Глушков.

– Слышь, командир! Давай не будем гнать коней! – чуть ли не умоляюще посмотрел на него Дубенский. – С Женькой я разберусь. Я ему такую жизнь устрою, что ад раем покажется. Это я тебе обещаю! А притон ему клеить не надо. Зачем пацану жизнь ломать? Тем более не далась ему Василиса.

– Не далась! – со слезами на глазах всхлипнул парень.

Только что волчонком смотрел на Севастьяна, а тут вдруг в общипанного воробья превратился.

– Значит, кокаин, говоришь, был?

– Ну-у, – начал было парень, но, глянув на разозленного отца, замолк.

– А это у тебя что? – Севастьян пальцем коснулся его руки.

– Ну, попробовать хотел.

– Героин?

– Я всего один разок!

– Будет тебе разок! И два будет! И три! – сквозь зубы процедил Дубенский.

– Значит, тогда на вечеринке кокаин был? – стараясь не обращать на него внимания, спросил Севастьян.

– Да, кокаин... Совсем чуть-чуть...

Василиса вспомнила, ей предлагали наркотики, а какие, не суть важно, главное, что она отказалась. А что было конкретно – кокаин или героин, можно выяснить у дружков Дубенского.

– И долго ваша вечеринка продолжалась?

– До утра.

– До утра чего?

– Ну, до утра субботы...

– А началась когда?

– Ну, вечером, в пятницу...

– Мы с женой к друзьям с ночевкой уехали, – дрожащим от перевозбуждения голосом проговорил Степан Игнатьевич. – Должны были в понедельник вернуться, а приехали в субботу... Я же как чувствовал, что в доме бардак был!

– А охраны у вас почему нет? – спросил Севастьян, кивком головы показав на контрольно-пропускной пункт.

– Да определиться не могут, кому сколько платить...

– И когда Василиса из вашего дома убежала, охраны тоже не было?

– Не было.

– Санька за ней погнался? – пристально посмотрел на парня Севастьян.

– Ну да...

– И что?

– Ну, я не знаю. Может, он Василису ударил?

– А сам он что сказал?

– Ну, он сказал, что не догнал. А как на самом деле было, я не знаю...

– Зато знаешь, что твои дружки могут соврать. И ты сам такой же!

– Нет у него больше дружков! Никого больше нет! Только мать! И только отец! Теперь у тебя, сынок, начинается суровая жизнь!

Глядя на Дубенского, Севастьян почему-то не сомневался, что Женю ждут очень трудные времена. Что ж, лучше пусть заблудшую душу наставит на путь истинный родной отец, чем злая тетка-тюрьма.

– Сам с ним, Степан Игнатьевич, разберешься, – кивнул Севастьян. – Я не против. Но это если изнасилования не было...

– Да не было ничего такого! – мотнул головой Женя.

– А наркота?

– Ну, не дошло до этого...

– А предлагал зачем?

– Ну... – опустил голову парень.

– Да с этим я разберусь, – заверил Севастьяна его отец. И осторожно спросил: – А что там с черепно-мозговой травмой?

– Да нет, с черепно-мозговой травмой мы уже разобрались. Нашли виновника. Под следствием он.

– Тогда в чем проблемы? – облегченно вздохнул Степан Игнатьевич.

– Когда, говоришь, вечеринка была? С пятницы на субботу?

– Ну да.

А Василиса обнаружилась только в ночь с воскресенья на понедельник. И где, спрашивается, она пропадала двое суток?

– Значит, Санька побежал за Василисой? – продолжал Севастьян.

– Ну да, побежал, – хлюпнул носом тот.

– Не догнал и вернулся?

– Вернулся.

– Когда вернулся?

– Ну, я точно не помню...

– Через час? Через два? Через сутки? Через двое?

– Да нет, через час. Даже раньше...

– И где этот Санька живет?

– Ну, где-то в Медведкове, я точно не знаю, никогда у него не был.

– Одноклассник твой?

– Ну да.

– А Василиса?

– Тоже.

– А учишься где?

– В школе... В частной школе...

– Дорогая школа?

– Ну, сорок штук в месяц...

– Сорок тысяч рублей?

– Ну да.

– А родители у Василисы кто?

– Ну, отец ее на «гелике» возит.

Севастьян заметил, как напрягся Степан Игнатьевич. «Гелендваген» – машина дорогая, далеко не каждый может позволить себе такую роскошь. Может, отец у Василисы очень крутая шишка, а это значит, что за сына с него могут спросить не по закону, а чисто по понятиям.

– А чем он занимается?

– Не знаю. Васька говорила, что бизнес у него, завод там какой-то... А она что, не говорила?

– А живет она где?

– Ну, в Медведкове, там, где школа, – пожал плечами Женя.

– Что-то я не понял, командир, а она что, про себя не рассказывала? – недоуменно посмотрел на Севастьяна Дубенский-старший.

– Память ей отбили. Но кое-что она вспомнила. И как сын твой наркоту ей предлагал. И дом твой вспомнила... Как бы еще чего не вспомнила...

– Слушай, командир, если вдруг что, давай договоримся. Ну, ты мне, я тебе...

– Если вдруг что, отвечать по закону придется, – покачал головой Севастьян.

– Да не было ничего такого! – застерил Женя. – Не трогали мы Ваську!

– Номер школы скажи, – потребовал Глушков.

Номера школа не имела, было только название. Севастьян узнал ее адрес и отправился туда.

Глава 5

Здание бывшего детского сада, огороженное высоким сварным забором, утопающий в зелени двор – это и была школа «Палестра».

– Узнаешь? – спросил у Василисы Севастьян, останавливая машину перед воротами.

– Я здесь училась? – недоверчиво спросила она.

– Сейчас узнаем. Пошли.

Калитка кованая, прозрачная, чтобы миновать ее, нужно было связаться с охранником по домофону. Но Василиса просунула руку между решетками, нащупала кнопку замка и нажала на нее. Послышался шелчок, и калитка открылась. Видимо, это дала знать о себе неподконтрольная сознанию память.

– А ты была здесь, – улыбнулся Севастьян.

Дверь в школу была открыта, в просторном вестибюле за специальной стойкой сидел белобрысый парень в униформе охранника. Он подозрительно глянул на Севастьяна, но тут же успокоился, заметив его спутницу. По всей видимости, Василису он знал в лицо.

Севастьян полез в карман за удостоверением, но в это время в глубине коридора послышался цокот каблучков. И тут же раздался удивленный голос:

– Мелихова? Ты что здесь делаешь?

– Здравствуйте, Надежда Витальевна! – как ни в чем не бывало отозвалась Василиса.

– Здравствуй, Василиса, здравствуй...

Немолодая, но с модельной фигурой женщина внимательно смотрела на Севастьяна. Видная дама, высокая, стильная, взгляд холодный, едкий. И на ухоженном лице – выражение неприступности. Возможно, это своего рода защитный барьер от богатых родителей, которые учителей и за людей-то не считают.

– Я вас знаю? – с резиновой улыбкой спросила она.

– Нет... Майор Глушков, Следственный комитет. А вы, наверное, строгий директор этой школы? – с иронией спросил Севастьян.

– Нет, не директор, я заведующая учебной частью... А почему строгая?

– Потому что Василиса вас вспомнила.

– А почему она не должна меня помнить?

– Потому что у нее посттравматическая амнезия. И школу она вашу не помнила. А вас увидела и сразу вспомнила.

– Посттравматическая амнезия?! – перевела на Василису потрясенный взгляд Надежда Витальевна.

– Не беспокойтесь, все в порядке. Память потихоньку возвращается. Вот уже до школы добрались. И вас вспомнили, – улыбнулся Севастьян.

– Ужас какой-то! Василиса, что с тобой такое, девочка моя?

В свои шестнадцать лет Василиса не могла похвастаться высоким ростом, зато Надежда Витальевна обладала им в полной мере. Поэтому, чтобы обнять девушку, ей даже пришлось присесть, преодолевая сопротивление длинной и узкой юбки.

– Все хорошо, Надежда Витальевна, – взывающим к жалости голосом проговорила Василиса. И уже более бодро: – А я вас помню, вы у нас историю преподаете.

– Историю, – кивнула учительница, с трудом поднимаясь на ноги.

Севастьян едва удержался от искушения подать ей руку. Этим жестом он мог обидеть женщину, вернее, она могла изобразить обиду. Дескать, я не какая-то немощная развалина, чтобы опираться на чью-то руку.

– Василиса попала в очень неприятную историю, но, я думаю, все позади, и ей пора вернуться к родителям.

– К родителям? – Надежда Витальевна как-то странно взглянула на свою ученицу. – Да, конечно... Я сейчас позвоню...

Она направилась к учительской, и Севастьян последовал за ней. Но так просто она его в кабинет не впустила, сначала попросила предъявить удостоверение. Слова словами, а в жизни все бывает.

Севастьян провел Василису в кабинет, посадил на стул. Надежда Витальевна взяла какой-то журнал, нашла нужные записи.

– Так, Мелихов Павел Валерьевич... улица Енисейская... Номер телефона... Так, сейчас. – Взяв телефон, набрала номер, но никто не ответил. Тогда она позвонила на сотовый, но аппарат абонента, как оказалось, был заблокирован.

– Не отвечает твой отец, – с озадаченным видом проговорила завуч.

– Матери позвоните, – подсказал Севастьян.

– Да, матери... – Какое-то время Надежда Витальевна внимательно смотрела на Василису – как будто в ожидании негативной реакции, но та не проявляла никакого беспокойства. – Позвоню, конечно... Василиса, помнишь, где твой класс? Второй этаж, кабинет номер пять. Сходи, там открыто. Может, вспомнишь, где твое место.

Василиса упрямыться не стала и неторопливо вышла из кабинета. Надежда Витальевна поднялась, выглянула в коридор, затем плотно закрыла за собой дверь.

– Дело в том, что мама Василисы погибла в автокатастрофе. Это произошло два года назад. Несчастный случай... Девочка очень переживала. Переживала, это мягко говоря... Я так понимаю, она этого не помнит. А если узнает, то как себя поведет?

– Не знаю, – покачал головой Севастьян.

– Вот и я не знаю... Отец у нее остался, он ее и воспитывает...

– Я так понимаю, человек он состоятельный.

– Ну да, не бедный.

– Чем он занимается?

– Знаете, у нас не принято об этом спрашивать. В анкете есть графа – «место работы», кто как хочет, тот так ее и заполняет. Кто-то подробно пишет, кто-то просто – индивидуальный предприниматель. Павел Валерьевич – просто индивидуальный предприниматель. Хотя человек он непростой. Жесткий такой человек, изнутри жесткий. Улыбка вроде бы мягкая, а сам жесткий. Брутальный тип мужчины, многим женщинам такие нравятся. – Судя по загадочной улыбке Надежды Витальевны, она не была исключением из этого числа женщин.

– Я вас понял... Адрес дадите?

– Извините, но мы не имеем права сообщать адреса родителей наших детей.

– Даже самим детям?

– Так, я еще раз позвоню, – замялась Надежда Витальевна.

Она сделала звонок на мобильник Мелихова, но тот не ответил. Зато кто-то поднял трубку домашнего телефона.

– Ольга Сергеевна?.. – спросила завуч, заглянув в журнал. – Э-э, вам из школы «Палестра» звонят... Да, да, насчет Василисы... Да, у нас она... Живая и здоровая... Хорошо, жду! – Она положила трубку и с чувством выполненного долга посмотрела на Севастьяна: – Сейчас за Василисой приедут.

– Кто? Кто такая Ольга Сергеевна? Вы же говорили, что у Василисы нет матери.

– Ольга Сергеевна – это ее няня. Отец иногда бывает в командировках, тогда Василису привозит в школу Ольга Сергеевна...

– Вы ее знаете?

– Ну, на родительские собрания она не ходит, но мы здороваемся. Интересная молодая женщина, яркая, стильная. Возможно... – Надежда Витальевна вдруг осеклась.

– Что возможно?

– Ну, это не мое дело, что у них там с Павлом Валерьевичем...

– Но, возможно, что-то есть?

– Если вас это интересует, вы можете спросить у нее. Она сейчас подъедет.

Ольга Сергеевна Стоянова действительно не заставила себя ждать. И она действительно была молодой эффектной женщиной с пышными белокурыми волосами. Яркая внешность, замечательная фигура, может, и не самая дорогая, но модная и правильно подобранная одежда. Такая женщина способна производить впечатление, но Василиса ее не узнала. Хотя напряженно смотрела на нее, будто пыталась вспомнить.

– Василиса, девочка моя! Где ты была? – Беспокойство няни не показалось Севастьяну наигранным.

И Василису она обняла с искренней, как могло показаться, теплотой. Но все равно Севастьяну не понравилось ее поведение. Он и сам еще не знал, почему.

– Кто вы? – спросила девушка.

– Кто я?! – удивленно вскинула брови Стоянова. – Ты что, не узнаешь меня?

– Нет.

– Я Ольга Сергеевна, твоя няня.

– Няня?.. А где моя мама?

– Мама?! – Ольга в недоумении посмотрела на завуча.

– У Василисы амнезия, она ничего не помнит, – сказал Севастьян.

– Амнезия?!

– Вас это удивляет?

– Конечно, удивляет! А вы, извините, кто?

Севастьян не стал ничего говорить, просто предъявил удостоверение следователя.

– Ну да, я понимаю...

– Что вы понимаете?

– Ну, амнезия просто так не случается... – глядя ему в глаза, обеспокоенно произнесла Стоянова.

– Нет, конечно. Василису ударили по голове.

– Кто?

– Виновник найден, и он понесет наказание.

– Это хорошо.

– Что хорошо?

– Ну, что виновник найден... – Ольга взяла Василису за руку и увлекла к выходу.

– Куда вы? – остановил ее Севастьян.

– Домой.

– Поедем вместе.

– Э-э... – замялась Ольга. – Зачем вам? Василиса же нашлась.

– Павел Валерьевич где?

– Василису ищет. Вы же не думаете, что мы бездействуем? – Судя по вопросу, Стоянова правильно поняла Севастьяна.

– Позвоните ему, скажите, что дочь нашлась.

– Я звонила, но телефон не отвечает.

– Знакомая история... Ну, чего стоим? Поехали.

– Ну, если вы настаиваете...

– Настаиваю. Вы на своей машине, мы с Василисой на моей.

– Как скажете, – заметно обрадовалась Ольга.

Это вариант ее почему-то устраивал. И скоро Севастьян понял, почему.

Мелиховы жили в элитном доме, в большой четырехкомнатной квартире с первоклассным ремонтом и дорогой обстановкой. Еще с порога он уловил запах мужского одеколона. Но мужчин в доме не было.

Севастьян зашел в ванную, в шкафчике нашел несколько бритвенных станков, один из которых был мокрым. Похоже, им только что пользовались. На кухне порядок, но в мойке среди тарелок он заметил большую кружку с нарисованной голой русалкой, взял ее и понюхал. Пахло кофе. Женщины, конечно, пьют кофе из больших кружек, но все-таки это больше присуще мужчинам. И еще, как правило, женщины не пользуются кружками с изображенной на них обнаженной натурой.

– Вы хотите кофе? – спросила Ольга.

– Ну, не отказался бы. – Севастьян многозначительно посмотрел на дорогую кофемашину.

– И мне, – сказала Василиса, неотступно следовавшая за ним.

– Конечно, конечно, девочка моя! – За слащавой улыбкой Стояновой прятались, казалось, растерянность и тревога. Ее явно беспокоило любопытство Севастьяна.

– Значит, Павел Валерьевич ищет Василису? – спросил он.

– Да, ищет. А что?

– И давно он в поисках?

– Ну, как Василиса исчезла...

– И дома не появляется?

– Да, уже четыре дня отсутствует.

– И связи с ним нет?

– Ну, была связь, а потом пропала...

– А кто у вас здесь сегодня гостил?

– Кто гостил?! – Ольга покосилась на кружку. – Ну, парень мой был. А что, нельзя?

– Вы правильно все поняли, – усмехнулся Севастьян. – И кофе ваш парень из большой кружки пил, и одеколоном Мелихова пользовался, бритва в ванной комнате... Совсем не обязательно было звонить ему.

– Звонить ему? – напряженно смотрела на него Стоянова.

– Ну да, вы не хотели, чтобы я его видел, и позвонили ему из своей машины. Когда из школы возвращались, позвонили.

Именно поэтому и обрадовалась Ольга, когда узнала, что домой возвращаться будет одна. Ей нужно было предупредить своего гостя или попросту прогнать его.

– Да нет, я просто позвонила. Он сказал, что уходит.

– Навсегда, или вернется?

– А вам не все равно? – перешла в наступление Ольга. – Кто вы, вообще, такой?

– Следователь Глушков. Следственный комитет Российской Федерации.

– И что вы расследуете?

– Вы не поняли?

– Ну, вы же сказали, что виновник найден.

– А если там не один виновник?

– Что значит не один?

– Вот в этом я и пытаюсь разобраться. Вы чем-то заняты были, когда вам позвонила Надежда Витальевна? – спросил он, взяв со стола переносную трубку домашнего телефона.

– Почему занята? Я ведь ответила на звонок.

– Со второго раза.

– А что, был первый? Ну да, я принимала душ...

– А ваш гость трубку не взял... Значит, это действительно был гость... Хотя это ваше личное дело.

– Вот именно!

– Значит, Павла Валерьевича уже четвертый день нет.

– Нет.

– А Василиса уже неделю, как пропала...

– Неделю...

– И вас это не беспокоит?

– Почему не беспокоит? Может, я места себе не нахожу!

– А вы в милиции, пардон, в полиции место искать не пробовали?

– В полиции?

– Заявление писать не пробовали? Или все-таки написали?

– Так я же не родственница. У меня бы и не взяли заявление...

– А что, родственников у Мелиховых нет?

– Ну, может, и есть. Но здесь никогда никого не было. Я уже второй год здесь работаю и о родственниках ничего не знаю... Вот если с Пашей... С Павлом Валерьевичем, тьфу-тьфу, что-нибудь вдруг случится, тогда набегут, – пренебрежительно усмехнулась Ольга.

– А вы думаете, что с ним что-то может случиться?

– Я думаю?! Да, я думаю... Тут не все просто...

Стоянова не договорила: в комнату вошла Василиса, держа в руке фотографию в красивой рамке. Брутальной внешности мужчина с резкими чертами лица, красивая молодая женщина, а между ними – совсем еще юная Василиса.

– А где моя мама? – со слезами на глазах спросила она.

– А ты не знаешь? – Ольга, казалось, сейчас расплачется вместе с ней.

Василиса хлюпнула носом и разрыдалась, беспомощно уткнувшись лбом ей в грудь. Похоже, она вспомнила, что произошло с ее матерью.

Глава 6

Василиса лежала на диване, головой зарывшись в подушку, и тихонько плакала. Ольга накрыла ее легким пуховым одеялом, поцеловала в щеку. Затем пошла на кухню, достала из шкафа коробку с лекарствами, вынула из нее какие-то таблетки.

- Что это? – спросил Севастьян.
- Диазепам. Василисе успокоиться надо.
- Успокоиться надо, – кивнул он, – а диазепам не надо.

Василисе кололи морфин или что-то в этом роде. Наркотик угнетал центрально-нервную систему, тормозил рефлексy, вызывал сонливость. Необратимого привыкания, похоже, не наступило, но, судя по ее подавленному настроению, девчонка находилась на грани. Может, она и чувствовала потребность к наркотику, но пока не понимала, что именно ей нужно. А таблетка с наркотической или близко к тому начинкой могла столкнуть ее в пропасть...

- Почему?
- Я думаю, это лекарство для взрослых.
- Так Василиса уже взрослая, ей уже шестнадцать.
- Вы так считаете? – удивленно посмотрел на няню Севастьян.
- Ну, по сравнению с той девочкой, которую я знала два года назад, она уже взрослая...
- Взрослая. И по вечеринкам ходит.
- По вечеринкам? – заметно напряглась Стоянова.
- Вы не знаете, что в прошлую пятницу Василиса была на вечеринке у своего одноклассника?

- Ну да, была...
- И как она туда попала? – жестко спросил он.
- Я ее не отпускала...
- И все-таки?
- Сбежала она. Вызвала такси и уехала. Все очень просто.
- Сбежала?
- Ну, я, в общем-то, и не против была, сама с пятнадцати лет в тусовках. А Паша... Павел Валерьевич не разрешал ей никуда ходить. И мне тоже не разрешал ее отпускать. Но Павел уехал.

- Куда?
- Ну, пятница была, друзья на рыбалку позвали. Он обещал в воскресенье вернуться... А Василиса сбежала на вечеринку и пропала. Я ему позвонила, сказала, что Василисы нет... Ну, он поехал ее искать.

- Куда?
- Ну, а куда она ездила...
- К однокласснику Василисы поехал? К Жене Дубенскому?
- Ну да.
- Не было его у Дубенских!
- Ну, я не знаю... – Стоянова не выдержала пристальный взгляд, отвела в сторону глаза.
- Что-то темните вы, Ольга Сергеевна.
- Можно просто Ольга...
- Что-то вы темните, просто Ольга, – усмехнулся Севастьян.
- Нет, не темню... Я хотела сказать, что Паша... Павел Валерьевич...
- Так Паша или Павел Валерьевич?
- Когда Паша, когда Павел Валерьевич, – смело посмотрела на него Стоянова.

Похоже, она ничуть не стеснялась признаться в близких отношениях со своим работодателем. Более того, совсем не прочь была перенаправить разговор в это русло.

– Я так понимаю, у вас были... э-э... доверительные с ним отношения?

– Ну, в общем, да.

– И вы не сказали ему, куда поехала Василиса?

– Почему не сказала? Сказала!

– Но он к Дубенским не отправился почему-то.

– Дело в том, что ему позвонили. Позвонили и сообщили, что Василиса у них.

– У кого у них?

– У похитителей!

– И я узнаю об этом только сейчас? – чуть ли не простонал от удивления Севастьян.

– Ну, Паша просил не говорить.

– Вы меня удивляете, Ольга. Нет, вы меня шокируете! Василису похитили, ее отец пропал, а в полиции ровным счетом ничего про это не знают!

– Ну, Паша же просил... – виновато опустила она голову.

– Когда он просил? Его уже четыре дня нет, и с ним что-то случиться могло. Да вы и сами думаете, что случилось. Думаете и молчите...

Ольга могла быть в сговоре с похитителями – именно эта мысль пришла на ум Севастьяну, но он не торопился ее озвучивать. Напротив, он должен был подыгрывать ей.

– Не все так просто, – вздохнула Ольга.

– Если не просто, то говорите. Я же вижу, вы девушка честная, просто есть какие-то обстоятельства.

– Да, есть обстоятельства. И очень серьезные.

– Какие именно?

– Дело в том, что Паша не простой человек.

– В каком смысле не простой?

– Ну, там что-то с мафией связано. С криминалом... Паша в свое время сидел.

– Хотите сказать, Мелихов работает на криминальную мафию?

– Ну, я точно не знаю, но мне кажется, что да... Я так поняла, что он хотел со своим боссом встретиться, может, он к нему и поехал.

– Босс тоже криминальный?

– Ну, наверное... Может, вор в законе, может, еще что... Паша не любит говорить о своей работе. Молча уезжает, молча приезжает. Иногда в командировку на несколько дней уедет, а вернется – молчит.

– А чем он занимается?

– Я же говорю, работает на кого-то.

– На мафию?

– Ну, мне кажется, что да... – Ольга понизила голос, как будто ее могли подслушать. – Может, там какие-то грязные дела, я не знаю. Может, потому Паша и боялся обращаться в полицию, когда Василису похитили.

– А ее похитили? – уточнил Севастьян.

Он и раньше догадывался, что Василису похитили, наверное, потому и не смог догнать ее одноклассник. Выбежал Санька за Василисой, а ее уже и след простыл. Похитители, видимо, ждали ее возле дома Дубенских. А что, поселок не охраняется, жители по ночам не гуляют... А может, одноклассники Василису и похитили? Обкололись, решили сыграть во взрослую игру. И заигрались...

– Да, похитили. Требовали деньги.

– Много?

– Не знаю... Я хотела спросить, но Паша на меня наорал, сказал, чтобы я не лезла не в свои дела...

– Что еще он говорил?

– Ну, что сам найдет этих уродов и оторвет им головы. Он очень переживал. Очень-очень! Поэтому и на меня наорал. Он обычно спокойный, а тут как с цепи сорвался...

– Но уродов он этих не нашел... А может, и нашел, – задумчиво проговорил Севастьян. Может, Мелихов добрался все-таки до похитителей, вступил с ними в драку и погиб в неравной борьбе? Погиб, чтобы дочка смогла сбежать от злодеев...

Василиса воспользовалась возможностью, сбежала, но попала в лапы Шемшука и в итоге лишилась памяти, поэтому и не может рассказать, кто похитил ее.

Если бы это были одноклассники, они держали бы ее где-нибудь в районе Осташковского шоссе, а Василиса нашлась где-то у Черноголовки. Нестыковка...

– Так нашел или нет? – Изображая сильное волнение, Ольга взяла Севастьяна за руку и сильно трянула ее. – Если вы что-то знаете, скажите!

– Пока не знаю... Да и не мое это дело, узнавать.

– Почему не ваше?

– Мое дело личность Василисы установить. Я ее установил. А куда делся ее отец, это уже не моя забота. Обращайтесь в местный ОВД, вам там помогут...

– Я же говорю, Паша сказал, что не надо никуда обращаться.

– Ну, если он так сказал, то я вас понимаю, но не согласен с вами. Надо подавать заявление, пусть Мелихова ищут.

– Да я, наверное, так и сделаю.

– Это в ваших интересах, – усмехнулся Севастьян. – Он холостой, вы не замужем, глядишь, что-то срастется... Правда, это не мое дело.

– Это мое дело, – улыбнулась Ольга. – И я бы хотела, чтобы срослось.

Похоже, она готова говорить с ним о чем угодно, лишь бы он больше не терроризировал ее вопросами. Кажется, она поверила, что Севастьян собирался умыть руки, а именно это ей и было нужно.

– Желаю удачи!

Он собрался уходить, когда из комнаты в холл к нему выбежала Василиса.

– Куда это вы? – с тревогой спросила она.

– Домой. У тебя свой дом, у меня – свой.

– Не пущу! – Девушка схватила его за руку и прижала ее к своей груди.

– Но я не могу остаться. Это твой дом, скоро приедет твой отец...

– Не приедет!

– Почему? – В одном вопросе слились два голоса. Но если в Севастьяне прозвучало любопытство, то в голосе Ольги – страх и тревога.

– Я не знаю! – в голосе Василисы звучало удивление.

Какой-то сигнал вспыхнул в ее подкорке. Что-то вспомнила она, но тут же забыла.

– Ты помнишь, как выходила из Жениного дома? – спросил Севастьян, проводив ее в каминный зал и усадив в кресло.

– Нет, – продолжая крепко держать его за руку, ответила Василиса.

– Как тебя отвезли в Черноголовку, помнишь? – Краем глаза он заметил, как внутренне подобралась Ольга. Похоже, он, по ее мнению, знал слишком много.

– Нет.

– Может, помнишь, как твой отец за тобой приезжал?

– Приезжал, – кивнула Василиса.

– Ты это помнишь?

– Нет.

– А почему тогда так говоришь?
– Мне кажется, что папа приезжал.
– Может, все-таки что-то помнишь?
– Комната там была... И этот, который расплзающийся, как желе... Папа на него кричал... Потом кто-то из пистолета выстрелил. Папа упал... Но может, это мне приснилось? – спросила Василиса, совсем не детскими глазами глядя на Севастьяна.

– А ты сама как думаешь?
– Мне кажется, что приснилось... Ведь они же не могли папу убить! Не могли же, да? – в состоянии, близком к истерике, проговорила она.

– Нет, конечно, не могли... Это тебе приснилось. Жив твой папа. Жив и скоро вернется домой.

Василиса начала успокаиваться.

Севастьян достал из кармана блокнот, вырвал листок и написал на нем номер сотового телефона.

– Не вешай нос, Васька! Нормально все будет! Если что, звони!

Он вручил Василисе листок и, пока она изучала его, покинул квартиру.

Он уходил как бы навсегда, но при этом собирался вернуться сюда в самом ближайшем будущем. И не с пустыми руками.

Не нравилась ему Ольга Стоянова. Юлит она, выкручивается. И она не просто что-то знает, а похоже, имеет самое непосредственное отношение к похищению Василисы. И, возможно, к гибели ее отца.

Ситуация для Севастьяна непростая. Никто не уполномочивал его вести расследование по этому делу. Со своей задачей он справился, а судьбой Мелихова должны заниматься органы по месту его жительства. Но ведь существует еще управление Следственного комитета по городу Москве, и у него есть там хороший знакомый. Игорь Шепенков сам возьмется за это дело, а Севастьян ему поможет.

Суббота сегодня, но Шепенков должен быть на работе. Севастьян позвонил ему и убедился в правильности своего предположения. Он вкратце обрисовал ситуацию и договорился о встрече.

Севастьян был уже на полпути к Арбату, когда зазвонил телефон.

– Севастьян Юрьевич, она меня куда-то увозит! – испуганно прошептала Василиса.

И в трубке слышались короткие гудки.

Глава 7

Севастьян старался не садиться за руль даже под маленьким градусом. Не важно, может он управлять машиной в состоянии легкого опьянения или нет. Не положено, и точка! Но эти его принципы не помешали ему развернуть машину через сплошную полосу. И скорость он превысил без всякого сожаления. Его поведение привлекло внимание, когда он выехал на Енисейскую улицу. За ним увязался экипаж дорожно-постовой службы, но Севастьян не подчинился их требованию остановиться. Так, вместе с «хвостом» и заехал во двор дома, где жила Василиса. Как оказалось, правильно сделал.

Он перегородил путь желтому «Фольксвагену» Стояновой, вышел из машины и попытался открыть дверцу, за которой находилась Василиса.

Она никак не реагировала на происходящее, только тупо смотрела куда-то вперед, медленно и неменяемо покачивая головой. Дверь была закрыта, Стоянова заблокировала ее.

Из полицейского «Форда» выскочили двое, но Севастьян успел вразумить их еще до того, как они попытались ткнуть его носом в капот. И представился, и удостоверение показал, и на словах объяснил, что за рулем «Гольфа» находится человек, подозреваемый в совершении тяжкого преступления.

Со двора можно было выехать только в одном направлении, которое и перекрыл Севастьян, поэтому Стоянова оказалась в безвыходном положении, и ей пришлось выйти из машины.

– Что вы себе позволяете? Что это за хулиганство? Товарищи полицейские, примите меры!.. – Глаза горят, а лицо бледное. Понимает, что вляпалась по самое некуда.

Севастьян открыл другую дверцу, взял Василису за руку и легонько потянул на себя. Она ничего не соображала, но все-таки подчинилась ему. Выходя из салона, чуть не упала – так сильно ее качнуло. Глаза стеклянные, неменяемые – уж кому, как не гаишникам, знать, что это означает.

– Это похищение, лейтенант, – сказал Глушков молодому, еще только начинающему бриться офицеру. – С применением наркоза, причем в отношении заведомо несовершеннолетнего. Статья сто двадцать шестая, пункт два, до десяти лет лишения свободы.

– Какое похищение?! – визгливым голосом возмутилась Стоянова. – Девчонка сама ширнулась, я ее в наркологию везу!

– Да нет, Ольга Сергеевна! Вы и в первый раз ее похитили! Теперь вот снова! Давайте, ребята, в машину ее и в отделение. Благодарность за содействие в задержании особо опасного преступника вам гарантирована.

– Какого особо опасного преступника! – взывала Стоянова.

– А разве убийство Мелихова – не ваших рук дело?

Слово «убийство» подействовало на гаишников, как заклятие. Они посадили Стоянову в свою машину, затем один из них вернулся, отогнал в сторону ее «Фольксваген», чтобы не мешал проезду.

Севастьян посадил Василису в свою машину, по пути сделал вызов на «Скорую помощь», а когда Стоянову доставили в отдел внутренних дел, оформил там задержание.

Стоянову закрыли в камере временно задержанных, а Василису отправили в ближайшую наркологическую клинику. Ей сделали укол, возможно, это был все тот же морфин, причем в недопустимо высокой дозе. Возможно, ее жизни угрожала опасность. Возможно, спасти Василису могла только медицина...

Свет в кабинете обычный, рассеянный, но Стоянова щурилась так, будто ее слепил яркий луч, направленный в глаза.

– Значит, в наркологию Василису отвозили? – спросил Севастьян с насмешкой, обозначающей несогласие с ожидаемым ответом.

– В наркологию. А что, нельзя?

– Благородный поступок. Но будет еще благородней сказать, чем именно вы укололи Василису.

– Я уколола? Да она сама!

– И кто вам поверит?

– Суд поверит! А вы ответите за незаконный арест!

– Ареста еще нет. Но будет. Как только Василиса показания даст, так и будет. А она даст.

– Конечно, даст! Легче вину на няню свалить, чем самой признаться! – капризно поджав губы, жалобно хлопнула носом Ольга.

– Не хотите признаваться, Ольга Сергеевна? Так я могу помочь. Сам расскажу, как было дело, а вы со мной согласитесь.

– Вы ничего не знаете! – скривилась Стоянова.

– Ну, может, где-то в чем-то и преувеличиваю, но вы уж меня поправьте... Вот я, например, не знаю, на рыбалку поехал Павел Валерьевич или на охоту. Но знаю, что в пятницу восьмого июля его не было дома. Вы этим и воспользовались. Отвезли Василису на вечеринку к ее друзьям, сами же ее и забрали. Только не домой отвезли, а куда-то в район Черноголовки. Я не знаю, что там у вас, но вы подскажите, пока следствие само не вышло на ваш притон.

– Какой притон? Какая Черноголовка? Не было ничего такого! И на вечеринку я Василису не отвозила! И обратно не забирала.

– Значит, кто-то сделал это за вас... Возможно, тот человек, следы которого я сегодня обнаружил в квартире Мелихова. В квартире, которую вы, Ольга Сергеевна, уже, возможно, считаете своей... Сколько вы с вашим сообщником просили за дочь?

– Я не понимаю, о чем вы говорите!

– Я говорю о том, что вы похитили Василису. И пытались продать ее Мелихову. Я не знаю, на какую он там мафию работает, но он вашу аферу просчитал, вышел на ваш притон, там вас и прижал. Но что-то для него пошло не так, и вы смогли справиться с ним. Но при этом упустили из виду Василису, которая смогла воспользоваться переполохом. Я не знаю, как было дело, знаю только, что она сбежала. А потом к ней стала возвращаться память. Она вспомнила, что отца убили, но кто это сделал – пока не помнит. Но ведь память возвращается, поэтому вы, Ольга Сергеевна, и попытались избавиться от Василисы... Куда вы ее везли, в Черноголовку?

– А там есть наркологическая клиника?

– Все пытаетесь выкрутиться? Вряд ли у вас это получится...

– Не получится. Потому что я не выкручиваюсь.

– У вас красивые пальцы, Ольга Сергеевна.

В этом Севастьян несколько не лукавил. Хитрость заключалась в том, что он взял ее за руку. Она решила, что следователь увлекся ею, и, видимо, стала прикидывать в уме, какие выгоды из этого можно извлечь. Пока она соображала, он задрал полукороткий рукав ее туники и обнажил рваный порез, который уже зажил настолько, что можно было обходиться без повязок и пластырей. Этот порез Севастьян заметил, когда Стоянову сажали в машину ДПС.

– Что это у вас такое?

– Порезалась я, – нервно отдернула руку Стоянова.

– Где?

– Дома. Морковку на плов шинковала, а что, нельзя?

– Вы пользуетесь тупыми зазубренными ножами?

– Нет, я пользуюсь современными керамическими ножами.

– Эти ножи не оставляют таких ран. Края у ран от них ровные, а у этой рваные...

– Ну, значит, бывают исключения.

– А еще из этой раны кровь вытекала. И эта кровь могла что-нибудь испачкать, например куртку Василисы. Короткая такая замшевая куртка с бахромой, и на ней следы крови обнаружены. Что, если это ваша кровь, Ольга Сергеевна?

– Моя кровь? На куртке? – еще больше занервничала Стоянова.

– Как ваша кровь могла оказаться на куртке? – подстегнул ее Севастьян.

– Может, у меня кровь из носа пошла...

– А где именно это произошло?

– Ну, дома. У меня часто кровь носом идет. Может, случайно на куртку капнуло...

Забегали глазки у Стояновой – верный признак неправды. Выкручивается она, выжигается. С раскаленной сковородки хочет соскочить, но только еще глубже погружается в кипящее масло.

– Когда капнуло? Когда вы Василису на вечеринку провожали?

– Ну да, она куртку надела...

– Так она же, как вы говорите, сбежала?

– Ну, не сбежала... Эта версия для Паши была... Я Василису понимала, сама в шестнадцать лет погулять любила...

– Может, и такси сами вызвали?

– Ну, было такое...

– А почему сами не отвезли ее к Дубенским?

– Ну-у...

– Светиться не хотели. Вы ее на обратном пути забрали, а потом в Черноголовку отвезли.

– Не знаю я никакой Черноголовки! Что вы пристали ко мне со своей Черноголовкой? – заистерила Стоянова.

– Ну, может, не в саму Черноголовку, а где-то рядом.

– Не знаю ничего!

– А я вот почему-то думаю, что знаете. Знаете же, что это ваша кровь была на курке у Василисы.

– Я знаю?!

– Вы, Ольга Сергеевна, даже оправдание нашли. Кровь у вас носом пошла... Если вы не знаете, то я скажу – экспертиза может определить, откуда кровь шла, из носа или из раны. Так что плохи ваши дела...

– Я ничего не знаю! Я требую адвоката!

– Будет вам адвокат. Как только предъявим вам обвинение, так и будет. Но тогда уже поздно будет чистосердечно во всем признаваться. Не сможете вы смягчить свою вину... Да, и еще не забывайте, что к Василисе обязательно вернется память. Она вспомнит, кто ее похитил и кто убил ее отца.

Стоянова хотела что-то сказать, даже импульсивно привстала со своего места, но вдруг тяжело опустилась на стул, уронила голову на грудь и зажмурила глаза.

– Подумайте, Ольга Сергеевна, хорошо подумайте.

Думала она долго. Севастьян успел заполнить шапку протокола и углубиться в основную часть.

– Я Мелихова не убивала, – не поднимая головы, выдохнула наконец Ольга.

– А кто это сделал?

– Не знаю. Мы были в доме, неожиданно ворвался Мелихов, я испугалась, решила, все. А тут вдруг кто-то выстрелил сзади, он упал. Я думала, что нас сейчас убьют, схватила Василису в охапку, мы спрятались. Я еще руку порезала, тогда кровь ей на курку и натекла... Человек в сарай зашел, ходил, нас искал. Василиса не выдержала, побежала, прошмыгнула мимо него. Он за ней побежал, а я осталась...

– Что за человек?

– Не знаю. Может, киллер, который Мелихова выслеживал. Паша нас искал, а киллер за ним шел.

– Кого искал?

– Ну, меня и Василису. Мы же от Паши сбежали...

– Зачем?

– Ну-у...

Севастьян смотрел на Стоянову так, словно у него разом разболелись все зубы. Он был почти уверен в том, что сейчас на него обрушится кадка с нелепицами.

– Паша узнал, что Василиса не его родная дочь. А она ему очень нравилась, ну, как женщина нравилась. Он пьяный был, позвонил мне, сказал, что с Василисой поговорить хочет. Я все поняла...

– Что вы поняли? – Теперь у него, казалось, невыносимо болели все части тела. Как будто его кислотой облили, а не словесным поносом.

– Ну, что Мелихов изнасиловал свою дочь.

– И вы поехали к Жене Дубенскому, забрали Василису с вечеринки.

– Не забрала, она сама ко мне вышла, вернее, выбежала. Как будто за ней гнались...

– Стечение обстоятельств.

– Это вы о чем?

– Дубенский наркотики ей предложил, она испугалась, убежала. А тут вы, добрая няня. Увезли ее в Черноголовку, спрятали от бешеного папы, так я понимаю?

– Да, все правильно.

– А чтобы Василиса не боялась папу, вы сделали ей укол морфина. Там, у Дубенских, наркотики и у вас наркотики. Вот я и говорю, стечение обстоятельств...

– Не колола я ее наркотиками!

– И сегодня тоже?

– Ну-у...

– Не верю я вам, Стоянова, не верю. Не собирался Мелихов насиловать свою дочь. Как вам вообще такая чушь в голову пришла? Похищение было. С какой целью, не знаю, но у вас есть возможность меня просветить...

– Я не похищала Василису! Я прятала ее от отца!

– Ну да, Мелихов убит, в свое оправдание сказать ничего не может... Кстати, кто его убил? Ваш сообщник?

– Какой сообщник? Не было у меня никакого сообщника! И вообще, я отказываюсь говорить! Я имею право молчать! – Стоянова вызывающе вскинула голову и скрестила руки на груди.

– Ладно, допустим, я вам поверил. Допустим, вы действительно прятали Василису от ее отца. Допустим, вы не знаете, кто его убил. Но место, где вы прятали Василису, показать можете?

– Могу.

– Труп Мелихова еще там?

– Не знаю. Я убежала. Убийца пошел за Василисой, а я села в свою машину и уехала. Что там было дальше, не знаю...

– А кто сегодня гостил в вашей квартире? Кому вы звонили, кого предупреждали, что я еду к вам?

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Ольга Сергеевна, вот скажите, на что вы рассчитывали, когда увозили Василису? Въезд во двор дома не охраняется, но в подъезде была консьержка, она видела, как вы уводили девушку. Она бы безвозвратно исчезла, и как бы вы это все объяснили? Сказали бы, что девочка сбежала?

Севастьян смотрел на Стоянову, но спрашивал не столько у нее, сколько у себя. Действительно, как бы она выкрутилась? В принципе, можно было бы сказать, что Василиса сбежала от нее за пределами двора. Поехали в магазин, а она сбежала...

А может, Стоянова готовила какое-то другое объяснение. Может, Василиса должна была «сбежать» из дома. Но тогда Ольге нужен был сообщник, чтобы отвлечь внимание консьержки. Она позвонила ему, поделилась своими соображениями, он подъехал, обеспечил ей безопасный подступ к машине... И по пути от школы к дому она могла ему позвонить. Если так, то в памяти ее телефона должен быть его номер. И номер этот стоит скорее всего первым в списке исходящих звонков.

– Зачем ей сбегать? Мы ехали в наркологию...

– Ну да, ну да...

Севастьян спустился в дежурную часть и вернулся в кабинет с ее мобильником.

– Кто такой Тим? – спросил он, глядя на дисплей телефона.

Именно это имя стояло в списке исходящих и входящих звонков. Сначала Стоянова позвонила этому Тиму, затем он связался с ней, потом снова произошел обмен звонками. И все это происходило как раз в то время, когда она выводила Василису из дома. И еще она звонила этому Тиму, когда возвращалась из школы.

– Ну, друг мой, а что?

– Он гостил у вас дома?

– Гостил. А что, нельзя?

– А это ваш дом? Или *уже* ваш?

– На что вы намекаете?

– На корыстный интерес. Сначала погибла мать Василисы, потом ее отец. Сегодня должна была погибнуть она сама. Вернее, она должна была погибнуть после гибели Мелихова... Или вы не собирались убивать Мелихова? Может, вы просто хотели получить с него выкуп за Василису?

– Это все ваши домыслы!

– Что ж, будем бить вас фактами...

Севастьян заполнил протокол допроса и заставил Стоянову подписаться под показаниями, в которых смешались правда и ложь. К этому времени подъехал подполковник Шепенков. Ему Стоянова и рассказала, где находится сарай, в котором содержалась Василиса.

Глава 8

Пепелище на месте деревянных строений, выжженная поляна, обугленные деревья на опушке леса. Что-то в этом роде и ожидал увидеть Севастьян. Не только сарай сгорел, но и все стоящие рядом деревянные сооружения. И лес загорелся.

– Пожарные здесь работали, – сказал Шепенков, разглядывая поднятую с земли головешку. – Если бы они труп нашли, это бы по сводкам прошло.

– Так не видно трупа, – покачал головой Севастьян.

Пожар был сильным, но вряд ли его силы хватило, чтобы сжечь труп дотла. Череп должен был бы остаться, фрагменты костей, но ничего такого на пепелище не наблюдалось... Или все-таки дотла тело Мелихова сгорело, а прах смешался с пеплом?..

– Или сгорел, или вывезли. Скорее второе.

– Сама бы Стоянова с этим не справилась.

– Не справилась бы, – согласился Шепенков.

Наружность у него невзрачная, такие люди легко теряются в толпе. Но личность он незаурядная. И голова у него умная, и хватка железная, и работу свою любит. Если бы начальство по достоинству оценило его заслуги, он бы уже был как минимум полковником.

– Сообщник у нее был, – подсказал Севастьян.

– Наверняка.

Время уже позднее, начало одиннадцатого – темнеет. Поэтому Шепенков повернул к машине. Ему домой надо: у него семья. Это Севастьян беспризорный, но ведь и ему не мешало бы отдохнуть. Что ни говори, веселый сегодня денек выдался.

– Завтра группу пришло, – сказал напоследок Шепенков. – Может, мы что-то не так поняли.

Стоянова подробно нарисовала схему – асфальтовый завод, заброшенные склады в непосредственной близости от него. Кирпичные склады вплотную подступали к заводу, их эксплуатировали, а деревянные находились в некотором отдалении. Они давно уже пришли в негодность, ими никто не пользовался, но и сносить их пока не торопились. К этим складам с внешней их стороны примыкал сарай, в котором Стоянова и держала Василису.

Сарай и примыкавшие к нему склады сгорели, но Стоянова об этом ничего не сказала, хотя наверняка знала о пожаре. Может, и сарай она не тот показала. Может, труп Мелихова находился в одном из сгоревших складов...

А может, и нет ничего, и именно поэтому Стоянова не побоялась показать свой схрон, знала, что там все выгорело дотла, вот и сделала признание.

– Значит, Стоянова девчонку от отца-извращенца прятала? – усмехнулся Шепенков, усаживаясь в машину.

– И попробуй докажи, что это не так, – в тон ему отозвался Севастьян. – У Василисы посттравматическая амнезия, плюс угнетенность центральной нервной системы от наркотиков. Одноклассников она вспомнила, учительницу вспомнила, а как убивали отца, помнит очень смутно. Потому что под дозой находилась... Как ее Стоянова с вечеринки увозила, вспомнит, как ее укололи, тоже может вспомнить. А что дальше? Воспоминания в наркотическом тумане? Человек какой-то был, растекающийся, как сливовое желе. Про кого она это говорила? Про Стоянову? Или про ее сообщника?

– Ну, может, она и Стоянову вспомнит, и сообщника...

– Может, и вспомнит... Тим его зовут, сокращенно, от Тимофея. Фамилию его Стоянова якобы не знает.

– Узнаем.

– И фамилию узнаем, и его самого найдем. А вот сможем ли привлечь? Ну, если Василиса его не опознает. Стоянова баба неглупая, она понимает, что Василиса может ее опознать. Тогда она и Тима своего сдала бы, если Василиса смогла бы его опознать. Могла, но не сдала...

– Все правильно, за групповое похищение больше дают.

– Всего на два года. До десяти лет вместо восьми...

– Но ведь она как бы и не похищала Василису. Она ее спасала...

– А кто Мелихова убил? Она же не отрицает, что его убили...

– А где труп? Сказать все, что угодно, можно...

– Я думаю, она знает, где труп.

– Я тоже так думаю, – кивнул Шепенков.

– Колоть Стоянову надо... И за Василисой наблюдать. А вдруг она все-таки видела этого Тима? Может, Стоянова не только за себя боялась, когда Василису пыталась убрать, но и за него... Как бы он к ней в больницу не пришел, – вслух подумал Севастьян.

– Да нет, до этого навряд ли дойдет, – как-то не очень уверенно произнес Игорь Семенович.

– Все не так просто. Стоянова говорит, что Мелихов на криминал серьезно завязан. Что, если правда? Что, если Стоянова со своим Тимом из той же среды? Вдруг там какие-то внутриклановые разборки произошли, Тим пошел против Мелихова, выкрал у него дочь, тот узнал об этом, вышел на него... Стоянова говорила, что Мелихова убил киллер. Может, Тим и был киллером, и это межклановые разборки. Тим заманил Мелихова в ловушку с помощью его дочери, там и расправился с ним...

– Слишком сложная схема, – покачал головой Шепенков. – Если Стоянова была заодно с киллером, она бы сама разобралась с Мелиховым. Есть масса смертельных, но безопасных для отравителя ядов...

– Значит, здесь что-то другое.

– Корысть. Обыкновенная корысть. Я думаю, Стоянова собиралась получить за Василису выкуп.

– Тогда почему она засветилась?

– Не знаю. Может, случайно. А может, она вообще не собиралась возвращать дочь отцу живой... В любом случае произошло похищение, и Стоянова должна за это ответить. А Мелихова подадим в розыск...

Севастьян почему-то не сомневался в том, что вина Стояновой будет доказана. Но что же дальше будет с Василисой? Мать погибла, отец, похоже, тоже, родные о себе знать не дают. Осиротела девчонка. И еще, возможно, ей угрожает опасность.

Может, и не связан был дружок Стояновой с мафией, и потому не представлял собой никакой опасности, но из ОВД, куда привез его Шепенков, Севастьян прямым ходом отправился к Василисе.

Девушка находилась в палате интенсивной терапии, и Севастьяна пропустили к ней не сразу. Ему пришлось объяснить дежурному врачу, что девчонке угрожает опасность не только от интоксикации, только тогда его впустили в палату, где он и остался с больной до утра.

Палец выдвинулся откуда-то со стороны и прилепил к глазку видеокамеры жвачный шарик.

Это было сделано вчера. Перед тем, как Стоянова вместе с Василисой вышла из подъезда. Потому и не смогла засечь ее видеокамера в момент, когда она выходила из подъезда и садилась в свою машину.

А видеокамера как будто нарочно размещалась на такой высоте, что наклеить жвачку на ее глазок мог даже школьник. Руки бы таким техникам-установщикам поотрывать...

С видеокамерой понятно, но кто-то же должен был отвлечь и консьержку, которая могла увидеть Василису в компании со Стояновой.

Севастьян сидел в консьержной комнатке, просматривая вчерашнюю запись. Нашел нужный ему фрагмент, промотал его до момента, в котором какая-то женщина отдираала жвачку.

– Кто это? – спросил он у консьержки, которая сидела рядом и с интересом наблюдала за происходящим на экране.

– Лариса Дмитриевна это, она вчера дежурила, я ее сегодня сменила.

Вид у Ларисы Дмитриевны был недовольный, она еще и ругнулась, с брезгливостью отбрасывая жвачку.

– То есть вас, Антонина Евгеньевна, вчера здесь не было?

– Нет, не было.

– И как Ольга Сергеевна Стоянова выходила из дома, вы не видели?

– А кто это такая?

– Она работала няней у Василисы Мелиховой, в тридцать шестой квартире.

– У Василисы? Ну, как же знаю... Няней, говорите, работала? А я думала, что она хозяйка квартиры. Важная вся такая, нос до потолка, – осуждающе покачала головой маленькая, будто высохшая женщина. Лет семьдесят ей, не меньше.

Севастьян показал фотографию, снятую им с мобильного Стояновой. На одном из нескольких снимков она красовалась в одиночестве – волосы распущены, рот широко растянут в белозубой улыбке, ворот блузки щедро распахнут... Что ни говори, а выглядела она очень соблазнительно – как на фото, так и в жизни.

– Она?

– Она.

– А это кто? – Севастьян предъявил фотографию парня, которого Стоянова запечатлела на фоне фонтана «Дружба народов» на ВВЦ.

Лет двадцать пять ему на вид, может быть, чуть больше. Роста чуть выше среднего, не сказать, что атлетического сложения, но плотный, тяжеловесный. Черты лица грубые, угловатые, как будто лобзиком выпилены, но правильно подобранная прическа, казалось, сглаживала эти внешние дефекты. Приталенный пиджак поверх модной рубашки, стильные джинсы. Он явно следил за собой, но на пижона не походил. Взгляд у него не простой – не то чтобы мудрость в нем, но какой-то жизненный опыт, познать который дано далеко не каждому. Он улыбался, но выглядел при этом очень серьезно.

– Ну, видела я такого... – кивнула консьержка. – Ходил тут.

– К кому ходил?

– Ну, в тридцать шестую квартиру и приходил. Я его хорошо запомнила. Видный парень, улыбчивый, комплименты мне говорил, – зарделась вдруг она.

– К Ольге Сергеевне приходил?

– Ну да, кажется, к ней...

– Комплименты говорил?

– Ну, не то чтобы комплименты, но говорил со мной уважительно...

– Знакомиться не пытался?

– Как же без этого! – улынулась женщина и раскрыла рабочий журнал. – Вот, тридцать шестая квартира, четырнадцатое июля, Сорокин Тимофей Алексеевич.

– Тимофей Алексеевич? – удивленно посмотрел на нее Севастьян.

Не думал он, что ларчик откроется так просто. Этот Тимофей и в телефоне у Стояновой засветился, и фамилию свою консьержкам выдал. Или в этой простоте какой-то подвох заключен, или этому парю нечего скрывать от правосудия. Стоянова вроде не знала его фамилию, а тут пожалуйста.

– Он сам вам это сказал или вы в паспорт смотрели?

– Ну, как же без паспорта? У нас тут, конечно, не политбюро живет, но все равно люди серьезные.

– Место регистрации вы, конечно, не записываете?

– Прописку, что ли? Ну, на прописку мы смотрим. Москвичу, оно доверия больше. Но нет, адрес не записываем... Но прописка у него московская. Я тут крестиком отмечаю, если московская...

– Крестик поставили, но адрес не записали... Ладно, разберемся. Значит, он двенадцатого июля в первый раз появился?

– Ну да, тут записано. Раньше я его не видела...

Двенадцатого июля Мелихов был уже мертв, и Сорокин мог беспрепятственно гостить у него дома. Или даже устроиться на постоянное место жительства.

– Точно, раньше не видели?

– Не видела. Я бы такого запомнила... Он ведь и потом приходил. Пройдет, улыбнется...

– А Лариса Дмитриевна ничего вам про него не говорила? Ну, может, вчера его видела?

– Не знаю, не говорила... Да вы сходите к ней, я вам адрес дам, она сейчас дома должна быть. Тут недалеко.

Лариса Дмитриевна действительно была дома. И Сорокина она вспомнила. Оказалось, что этот парень появился вчера как раз в то время, когда Стоянова выводила из дома Василису. Завел с женщиной разговор, отвлек ее внимание, после чего поднялся в тридцать шестую квартиру, но вскоре вернулся. Оказалось, Ольги не было дома, о чем Сорокин и сообщил консьержке. А та даже не знала, что сказать, потому как прошляпила и Стоянову, и ее пленницу...

Севастьян позвонил Шепенкову, рассказал про Сорокина, поделился своими соображениями, после чего отправился в больницу к Василисе.

Не нравился ему Сорокин. Судя по всему, этот тип умел влезть без мыла в любую щель. Значит, он мог играючи проникнуть и в палату к Василисе, со всеми отсюда вытекающими...

Глава 9

За колючей проволокой человек весь на виду, а его душа как на рентгене. И днем он находится под прицелом людских глаз, и ночью. А взгляды у зэков пронизательные, от них никакая мелочь не укроется. И лучше не притворяться, не изображать из себя чрезмерно крутого, а то ведь вычислят, в лучшем случае на смех поднимут, а в худшем – опустят.

С Федей Ляховым произошло худшее. Прибыл два года назад по этапу, еще на карантине начал народ строить, пальцы веером раскидывать. Там этот номер прокатил, а когда в отряд попал, ему быстро укорот дали. Сначала предупредили, а потом и опустили.

Два года назад Федя ходил гоголем – нос в облаках, грудь колесом, походка от колена, как у революционного морячка с крейсера «Аврора». А сейчас бегаёт как ошпаренный петух – голова вниз, глазки в сторону, кулачки прижаты к груди, задница вихляется... Свидание у него с женой было – за три дня он отдохнул, отъелся и сейчас в свою петушиную хату возвращается. А жизнь там нелегкая. Если это вообще жизнь...

Егор Мелихов шел в противоположном направлении. Пока что его вели, вроде как под конвоем. Но документы уже на руках, вещи собраны, и за ворота контрольно-пропускного пункта он выйдет сам, без всякого сопровождения...

Ему не в чем было себя упрекнуть. Понты он не колотил, крутого из себя не строил, но и сопли никогда не распускал. Из толпы старался не выделяться, в авторитеты не лез, но и в обиду себя не давал. Держал себя ровно, продуманно, правильно, а потому за четыре года не вляпался в историю, которая могла бы стоить ему условно-досрочного освобождения. А статья у него серьезная – убийство, шесть лет строгого режима. Могли бы дать и больше, если бы адвокату не удалось переквалифицировать умышленное убийство на превышение пределов необходимой обороны. Но ведь и четыре года, проведенные на строгом режиме, тоже немало. И они вычеркнуты из жизни.

Но ничего, все уже позади. Егору всего тридцать шесть лет, он еще полон сил и энергии и готов дальше продолжать свою работу. Потому и ждет его у ворот черный «икс-шестой» «БМВ». И Витя Коготь навстречу ему идет, объятия распахивает:

– Сколько лет, сколько зим! Здорово, братишка!

Когда-то у Вити весь рот был золотой, а сейчас передние зубы – чистый фарфор. Раньше он в спортивном костюме любил щеголять, а сейчас шелковая рубашка на нем, джинсы из дорогого бутика, туфли из крокодиловой кожи. Но золотая цепь на месте: без этого атрибута Витя спать не ложится. Часы золотые швейцарские на руке. И тачка у него пижонская. Ну, Витя без понтов – не Витя.

Зона строгого режима – это не пансионат, после которого человек должен цвести и пахнуть. Но и запускать себя здесь никому не позволено. Хочешь, чтобы тебя уважали, держи себя в рамках. Не опускайся сам, или это сделают другие... Егор держал себя в форме – качалка, баскетбол, все такое прочее. Даже за кожей лица следил, чтобы на свободе свежо выглядеть. Зэковский шарм там уже давно не в моде. И с одеждой у него сейчас полный порядок – в чем на этап заехал, в том и вышел. Был один умник, джинсовый костюм хотел у него «одолжить», неделю потом в больничке отвисал...

– Рад тебя видеть, Витя! – позволил приобнять себя Егор и похлопал старого друга по плечу.

– Ну что, с ветерком? – кивком головы Коготь показал на свой внедорожник.

– За руль можно?

– Э-э... Не вопрос!

Не очень-то хотел Витя уступать Егору свое место, но и возражать не стал. Все-таки они одной с ним весовой категории, Каргол одинаково их ценит. Во всяком случае четыре года

назад так и было. Каргол – человек мудрый, у него все четко – чем выше в его глазах ценишься, тем больше имеешь.

У Егора тоже был «БМВ», только не «икс-шестой», а «икс-пятый». Продал он его. Через адвоката из Бутырки продал. Пятнадцать лет ему тогда светило, зачем, думал, машине без него пропадать? Шесть лет ему отмерили, но ведь и это срок. За это время джип и устареть мог, да и содержание в копеечку бы влетело. А сейчас он вернется домой и отправится в автосалон, может, такую тачку, как у Вити, возьмет. Если понравится...

А машина не могла не понравиться – мощная, четкая, послушная.

– Сколько зверей? – разогнав «БМВ», спросил Егор.

– Не понял.

– Мотор мощный, я бы такой не в лошадях мерил, а в зверях...

– А-а, теперь понятно! – расплылся в улыбке Коготь. – Пятьсот зверей! Гы, за двести тысяч убитых енотов!

– Хорошо, брат, живешь.

– Да не жалуюсь.

– А Паша как там живет, не жалуется? – без ехидства и совсем не весело спросил Егор.

– Ну, живет...

– Как там с Татьяной вышло?

– Да как, в поворот на скорости вошла, думала, если тачка крутая, то вынесет. Вынесла. Только не туда, куда надо, прямо на встречу, а там «КраЗ». Говорят, даже не мучилась...

Егор вздохнул.

Когда-то Татьяна была его девушкой. Первая красавица, умница, жить бы с такой да радоваться, но Паша испортил всю малину. Закрутил с Татьяной, и она ушла к нему, вышла замуж, родила дочь. Все бы ничего, но Паша был его родным братом. Старшим братом.

Не нарочно Паша обидел Егора. Так влюбился в Татьяну, что страх потерял и совесть. И брата. Вроде бы и понимал его Егор, но не простил. Нет, их пути-дорожки не разошлись, как были они в команде Каргола, так и остались. Иногда пересекались по делам, здоровались, перекидывались словами, но это, пожалуй, было все, на чем строились их отношения. Егор не мог простить ему Татьяну, а Паша злился на него из-за этого. Первое время Паша пытался искать пути к примирению, а Егор упрямылся назло ему. Потом Паша привык, что родной брат стал ему чужим, смирился с этой мыслью. Да и пересекаться они перестали. Каргол ушел с территории, которую контролировал все девяностые годы, – менты вынудили его к этому. Рэкет, «крыши» ушли в прошлое, остался только бизнес, большей частью теневой. И теперь зоной интересов Каргола была вся Москва. Бригады его расплылись по всей столице. Сначала размельчились, потом расплылись. Одни бригады наркотой занимались, другие – оружием, третьи – контрабандой, четвертые... Паша занимался одним делом, Егор другим – так и жили, не пересекаясь.

Лед тронулся только четыре года назад. К этому времени Егор уже успел два раза жениться и столько же развестись, последнее, кстати, случилось вовсе не из-за любви к Татьяне. И любовь забылась, и острота проблемы затупилась. Обида, правда, еще не прошла, но злости давно уже не вызывала.

Егор находился под следствием, Паша его навестил, поговорили по душам – отношения вроде бы наладились. И еще Егор звонил Паше, когда погибла его жена – соболезнования, все такое. Год назад Паша даже приезжал к нему, всего на пару часиков заскочил, но тем не менее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.